

Владимир Михайлов
Заблудившийся во сне

«Автор»

1996

Михайлов В. Д.

Заблудившийся во сне / В. Д. Михайлов — «Автор», 1996

В центре интересов противоборствующих сил оказывается фигура талантливого ученого, проникшего в тайны всеобъемлющего Пространства Сна. Попав не в те руки, открытые им секреты могут оказаться пороховой бочкой, подложенной под человечество. Поиски заблудившегося в снах изобретателя ведут в доисторические времена, в век рыцарей-крестоносцев, в далекое будущее.

© Михайлов В. Д., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Глава первая	5
Операция	5
Охота	7
Представление самого себя	11
Прогулка на свежем воздухе	13
Институт	17
Падение в бездну	21
Консилиум	24
В просмотровой	33
Контракт	36
Напутствия	39
Дискуссия	41
Глава вторая	46
Палата номер шесть	46
На крылечке родном	48
Твое дело – слушать	50
Зачем составляются планы	52
Сапоги всмятку	54
Понемногу о многом	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владимир Михайлов

Заблудившийся во сне

Глава первая

Операция

Длинный коридор раздвоился, два рукава расходились под углом, каждый из них вел в операционную; я свернул налево. Как положено, я был в салатном комбинезоне, незакрепленная еще маска болталась ниже подбородка, непривычная для меня обувь то и дело заставляла замедлять шаги, чтобы не остаться босиком, но, в общем, все пока шло нормально: никто не обращал на меня внимания, занятый скорее всего своими мыслями о предстоящей нелегкой работе, – да здесь и не принято интересоваться друг другом, это не нужно и не по правилам – в этом пространстве. Я имею в виду не пространство клиники, а нечто совсем другое.

Больной был уже положен на стол – узкий, подвижной, на роликах. Экран установили, и лица пациента я не видел, но мне глядеть и не требовалось, я и так знал, кому выпало лежать тут, в ярком бестеневом свете. Хотя, конечно, он мог выглядеть совершенно иначе, чем на приввешихся портретах. Но это – дело привычное. Все, что от меня сейчас требовалось – это держаться рядом с тем, кто будет оперировать, кому на помощь отобилизована вся не очень многочисленная команда. Держаться, не вмешиваясь – до того самого мгновения, когда придет мой черед и я скажу хирургу несколько слов и сделаю одно-единственное движение рукой – и он все поймет, вовремя изменит план, распорядится подключить еще один аппарат – и все, дальше дела пойдут как по маслу, операция завершится успешно, а наутро тот, кто провел ее, проснется...

* * *

Я с большим удовольствием рассказал бы о смысле, содержании и ходе этой операции: может быть, кому-нибудь сей предмет и показался бы интересным. Но подобный рассказ мне не по силам: в медицине я ни черта не смыслю, никогда не учился и не работал по врачебной линии, и из всей этой премудрости твердо знаю лишь одно: что у здорового человека есть своя нормальная температура, и составляет она тридцать шесть и шесть десятых градуса по Цельсию. Такой эрудиции мне хватает. А то, что я оказался в операционной рядом с ведущим хирургом, и не только оказался, но еще и нужный совет подал вовремя – это уже, я бы сказал, совсем из другой оперы. Перед тем как отправиться в клинику и участвовать в операции, я получил, как говорят у нас в конторе, скромно и со вкусом называемой «Институт», полную накачку и совершенно четко и точно знал – нет, не знал, скорее – ощущал, в какой миг и что именно надо будет сказать, и что – сделать. Как только я это выполнил, все, что касалось операции, вылетело у меня из головы, и хорошо, что вылетело: если бы все такие разовые вливания со всякими подробностями оставались в мозгах, то и мне, и любому из моих коллег приходилось бы, из-за несовершенной конструкции человеческой памяти, таскать на плечах голову величиной с Луну, а с таким украшением трудно проходить в узкие двери.

Так что о подробностях на сей раз спрашивать меня не нужно. А то, что знаю, буду рассказывать сам, не дожидаясь команды.

* * *

...и наутро тот, кто провел операцию, проснется и за чашкой утреннего кофе с удовольствием будет вспоминать, как ему приснился сон, что называется, в руку: будто бы он прооперировал самого имярека, то есть сделал во сне то, что наяву ему придется совершить лишь через три часа, и не просто прооперировал, но вовремя заметил неожиданную опасность, то, что проспали и рентгенологи, не снимавшие пациента под таким (необычным, правда) углом, и терапевты не услышали, и УЗИ не нашарило – а он вдруг совершенно четко почувствовал грозящую беду уже в ходе операции и молниеносно сообразил – что именно надо сделать. Нда, бывают же такие сны... Сон, конечно – ерунда, неконтролируемые психические явления, или как их там, – но все-таки вот эта мысль, насчет нежелательного осложнения, пришла хоть и во сне, но по делу, и надо будет сегодня, оперируя, обратить на это особое внимание...

Вот в таком духе будет он думать, мне же остается только пожелать ему всяческих успехов.

* * *

А что касается меня, то очень кстати мне припомнилась поговорка: сделал дело – гуляй смело.

В Институте немного напортачили с расчетом времени, но на этот раз в мою пользу. Я отработал быстро и мог теперь, возвращаясь, сделать небольшой и неспешный крюк по мини- и микроконтинуумам ПС; просто так, чтобы доставить себе удовольствие.

Значит, быть посемену.

Охота

Натянув тетиву, я прижал напряженный большой палец правой руки к мочке уха, а левой медленно вел лук с наложенной стрелой, ожидая, пока ус-ту остановится хоть на мгновение. Гладкий каменный наконечник упорно смотрел в ее худой бок с клочьями свалывшейся шерсти; весна только начиналась, и мяса на животном было не очень много, но на мне и моих женщинах – пожалуй, еще меньше, а за три последних дня это была первая дичь, к которой я ухитрился подойти. Отщепенцу в голодные дни приходится несладко. Хотя вряд ли и в племени, которое покинули я и мои женщины, дела шли намного лучше: охотников там, понятно, немало, но ртов, готовых вцепиться и жрать – куда больше. Нет, я не жалел о том, что мы ушли, хотя впервые эта мысль пришла в голову не мне, а Ну Ши, у которой возникло странное желание не лежать ни с кем другим, кроме меня. Мне это вначале показалось странным, но она быстро доказала, что права, потому что и у зубастых Раш, и у ковыляющих вперевалку Уро, поедающих, как мы, и мясо, и рыбу, и коренья, и мед, когда удастся найти его, – да и у всех прочих: и у тех, кто ест только мясо, и у других, кому по вкусу лишь трава и молодые веточки – словом, у всех весной начинается такой порядок, что Охотник не терпит рядом с собой других мужчин и борется за своих женщин до последнего, не подпуская к ним никого. Я долго думал и решил, что она лучше, чем я, понимает устройство жизни. После этого мы ушли. Ну Ши говорила, что уйти нужно вдвоем, но с этим я не согласился и велел идти со мною еще двум женщинам, быть с которыми нравилось мне больше, чем с другими. Нас не хотели отпускать, потому что я один из лучших охотников, и не хотели отпускать женщин, потому что были и другие мужчины, кому нравилось отходить в сторонку с ними, так что пришлось подраться, и трое из моих противников ушли в те места счастливой охоты, куда попадает каждый, когда здесь его постигает Большая Неудача. Потом племя еще два раза пыталось напасть и причинить Большую Неудачу уже мне, но получилось наоборот. И нас оставили в покое, тем более что недавно еще много – больше трех – девочек посвятили в женщины, и охотникам стало просторнее.

...Ус-ту остановилась там, где я и ожидал: почти в середине полянки, где всегда росла вкусная трава Ир; по соседству с нею я порой находил длинный кусачий корень Ах, которым мне нравилось заедать мясо. Такое место было одно во всем моем лесу. Я тоже застыл. Ус-ту внимательно огляделась, но не увидела меня, потому что на мне была накинута травяная плетенка, очень хорошо сделанная И Та, второй женщиной, умевшей лучше всех плести и такие накидки, и сетки, которыми мы ловим рыбу, а также делать предметы из глины. Правда, на этой земле глины не было, но я знал место в двух днях пути, и каждый раз, когда солнце сворачивало к холодным дням, мы ходили туда, чтобы запастись ею. Успокоенная ус-ту склонила голову на длинной шее к траве и отщипнула. В следующий миг насторожилась: ветер вдруг переменялся и подул от меня; на поляне так бывает нередко, ветер блуждает между деревьями и выбегает на поляну то с одной, то с другой стороны. Я видел, как напряглось ее тело. Но стрела уже летела, бескрылая чайка с каменным клювом. На всякий случай я сразу же наложил вторую: так учат нас старые охотники. Но стрелять еще раз не понадобилось. Ус-ту не успела даже оттолкнуться всеми своими ногами; бескрылая чайка вонзила клюв, козочка упала, не начав прыжка, и я длинными скачками понесся к ней, держа наготове короткий нож из очень гладкого и блестящего камня (он достался мне после схватки с незнакомым племенем, проходившим через наши места), чтобы прикончить, перерезав горло.

Подбежав, я так и сделал, потом набрал в горсть теплой крови и выпил, и мне стало очень хорошо. Я испустил свой клич, приложив ладони по сторонам рта; сделал это два раза, потом еще два раза, поворачиваясь во все стороны. Чтобы все знали, что я хороший охотник и не вернусь к огню с пустыми руками.

Взвалив ус-ту на плечи, я направился к ручью: мое стойбище было в лесу, на том берегу, недалеко от опушки. Подойдя к воде, я вдруг заметил неподалеку, совсем рядом, что-то странное. На влажном песке виднелся след. Не мой. Но человеческий. Здесь проходил чужой. Но это было не главным: рядом со следом лежало нечто...

Я остановился. Нагнулся. Поднял это. Не имеющее названия. То было – не земля, не дерево, не камень. Если бы (размышляя я, вертя найденную вещь в пальцах) в лесу росли деревья с белыми, странной формы листьями – не округлыми и не заостренными, как наконечник стрелы, очень тонкими, странно шуршащими, с очень прямыми краями, двумя подлиннее, двумя покороче, – и если бы кто-то подобрал и сложил множество таких листьев вместе, – может быть, чтобы удобнее было их кусать, – а сверху и снизу положил пластинки коры того же дерева, так же ровно обрезанные – тогда, пожалуй, получилась бы именно такая вещь.

Но у каждой вещи есть свое назначение. Какое же – у этой?

Я обнюхал ее. Запах был незнакомым, странным, скорее неприятным. Он не говорил о том, что вещь эту можно есть, но и не предостерегал от этого. Он был – никакой.

Листья этой штуки были покрыты множеством неровных точек. Было ли дерево больным? Тогда есть его не следовало. Или это была его обычная окраска? Листья ведь бывают всякими.

Я осторожно откусил уголок. Пожевал. Вкус тоже был никаким. Но может быть, вещь эта все-таки годилась в пищу? Так или иначе, я решил не бросать ее и взял с собой.

Того, кто проходил берегом, я не встретил; да и не ждал его: след был, самое малое, двухдневной давности, а мы, все четверо, тогда как раз спустились вниз по ручью, где в одном месте легко было бить рыбу копьём или ловить в сетку. Так что он уже далеко.

Женщины встретили меня с радостным визгом и тут же принялись снимать шкуру и разделывать мясо. Я почувствовал возбуждение после свежей крови, и, бросив непонятную вещь близ огня, велел Ну Ши идти со мною. Мы немного отошли от огня, на ровное местечко, очень удобное для того, что я хотел делать. Я повалил ее, не дожидаясь, пока она ляжет сама, и начал делать все так, как должен делать хороший, очень хороший охотник, уверенно владеющий своим копьём. Мы извивались, от Ну Ши шел приятный запах сладких луковиц, которыми она иногда натиралась. Остальные женщины смотрели на нас и завидовали, не зная, настанет ли нет сразу же и их очередь.

Я едва успел ощутить всплеск внутреннего огня, которого добивался, как женщины у огня завизжали. Я поднял голову. Принесенная мною никакая вещь, которую я бросил близ огня, ярко и высоко горела, словно тонкая кора Белого дерева. Я вскочил, но было поздно.

Хотя женщины вряд ли были виноваты, я решил все-таки накричать на них, а может быть, и побить немного – чтобы они не подумали, что это как раз моя вина в том, что никакая вещь сгорела, хотя мне хотелось еще поразглядывать ее, отдыхая после еды. Дело в том, что на одном из листков точки, или как их еще назвать, соединялись так, что из них получалось что-то, похожее на охотника, такого же, как я и все мы. Ну не совсем, но в общем почти такого, как тот, кто появляется, когда глядишь в спокойную воду.

Но тут уши мои уловили звук, донесшийся откуда-то сверху. Я насторожился. Ноющий гул «Юнкерсов» был мне хорошо знаком. По траншее перекатывалось уже протяжное «Воздух!». Я ожидал, что сразу же слева, с опушки, застучат зенитки, но наши молчали, потому, наверное, что бомбардировщики шли не на нас, а куда-то в глубину, через линию фронта – к мосту, надо думать. Нам же не следовало обнаруживать себя раньше времени. Потому что ожидался десант. И похоже, новая волна «Юнкерсов», что уже виднелась вдалеке в сопровождении «Мессеров», везла не бомбы, а парашютистов.

... – К бою!.. – разнеслось над окопами.

Мой «СГ» стоял на своем столе, лента была заправлена. Я пригнулся, удобно пристроил локти, прикинул – на какой высоте начну доставать спускающихся. На немалой: пулемет был

изготовлен для зенитного огня, тело установлено на стреле станка, задранной кверху; станок опирался при этом на щит. Ну, еще минута-другая...

* * *

– Остров! Остров!..

Сознание того, что это обращаются ко мне, пришло не сразу. Глаза не хотели открываться. Вообще просыпаться, когда спишь под давлением, бывает порой очень нелегко. Но срок моего очередного выхода в Пространство Сна закончился.

Я медленно поводил глазами, заново – каждый раз заново! – привыкая к яви. Тем временем с меня аккуратно, я бы даже сказал – ласково снимали электроды, которыми я был обмотан, как Гулливер у лилипутов, из вены вытащили иглу – такой можно убить лошадь, если только размахнуться пошире, – и, выпроводив сестричек, мой встречающий – сегодня им был Пещерный Лев – сказал:

– С прибытием, Остров. У тебя все в порядке?

Я для верности пошевелил руками, одной ногой, другой. Повертел головой, в которой еще была полная каша.

– Давай, давай, – поторопил Лев. – Ванна, процедурная, потом запись – все в темпе, как полагается. И не изображай страдальца: ничего сложного у тебя вроде бы не возникало.

– Да нет, – сказал я, отчаянно зевая. – Как планировалось – участвовал в операции, все выполнил точно, теперь и здесь дело должно благополучно завершиться.

– Ага, конечно, – согласился Лев. – А ведь не подскажи мы – и он бы скорее всего пациента зарезал. Нет? Мы бы ведь тоже не спохватились, если бы больному подсознание во сне не просигналило, а мы не сумели бы это уловить.

– Не зарезал бы, – поправил я. – Но не смог бы спасти.

Имени пациента мы вслух не произносили, хотя оно всем известно. Не любим громких имен. К тому же, мне лично его голос совершенно не нравится. И не только голос.

Пещерный Лев тяжело, пещерно подумал.

– Ну и истерика началась бы, а?

– Вот это уж точно.

– Да, кстати, – сказал он, помолчав. – Ты вроде бы еще куда-то сворачивал?

– Да ну, – отмахнулся я. – Сходил в давнее прошлое, потом в недавнее... Я же над этой темой работаю в свободное время, забыл?

– Ах, ну да, конечно, – закивал Лев, хотя я готов был спорить на обед у «Максима», что о моей теме он впервые услышал. Он в Институте не по научной, а по оперативной части. – Ну и как, много открытий натворил?

– Никаких новостей – разве что мелкие штрихи к уже известной картинке. Одно только... Там, в мезолите... По-моему, то был точно мезолит...

– Наверное, они все там воняют жутко, – покачал он головой. – Так что там у тебя стряслось, в палеолите? Или где?

Но я уже передумал. Сперва сам прокачаю этот казус в голове.

– Да нет, ничего определенного. – Я потер то место, где только что торчала игла, и сейчас кожа слегка зудела. – Скажу при записи. Сколько у меня теперь отгулов?

– Ну, – проронил он неуверенно, – не более трех дней.

Я его понимал: нас было мало. Но и своего отдавать не собирался.

– Ладно, – заключил я, вставая с ложа – спального станка, как мы у себя это называем. И потопал в ванную из рабочей палаты, которую уже привык считать своею – из палаты, как ни смешно, номер шесть.

Но такие совпадения меня не смущают. Да и никого другого во всем Институте. Тем более что процентов семьдесят из наших Чехова наверняка не читали.

Представление самого себя

Мы с вами виделись не раз. Но если встретимся средь бела дня на улице, в магазине, в метро или на тусовке у общих знакомых, вы меня не узнаете. Потому что пути наши пересекались в других – даже не местах и временах, но в других мирах.

В мирах сна. Говорю – мирах, поскольку их много.

Чувствую, вы уже приблизились к пониманию. Ну, еще самую малость. Ну же!

Да, вы правы.

Потому что я – тот, кого вы видите во сне.

* * *

Но не каждый раз.

Когда вам встречаются во сне ваши родные, близкие, знакомые – это не я. Это они. В таких случаях я не показываюсь. Хотя нередко нахожусь где-то поблизости. Так полагается. Так нужно. Из того, что вам снится, мы получаем информацию, порой очень интересную и даже важную. Но не вмешиваемся.

Но когда в ваших снах рушится логика, сдвигаются, перемешиваются, совмещаются и разбегаются времена и пространства, виданное и невиданное, «реальное» и «сказочное» (эти слова взяты в кавычки намеренно) – знайте: я в этом участвую.

Нет, не могу сказать горделиво: «Это – дело моих рук». Как ни прискорбно для самолюбия, я – достаточно мелкая сошка. Исполнитель, не более. Актер, не постановщик. Солдат, а не фельдмаршал. Таких, как я, – ну, не то, чтобы много, но не так уж и мало. Хотя мы испытываем постоянную нехватку профессионалов, потому что нас меньше, чем нужно бы, чтобы поддерживать устойчивую связь с Пространством, откуда происходит все и куда возвращается. Да, именно с Пространством Сна. Так мы его называем за неимением более емкого и точного термина. Название «Иной мир», каким иногда обозначают некоторые макроконы Пространства Сна, на самом деле слишком расплывчато и, по сути, бессодержательно.

С терминологией у нас вообще неурядицы, она еще не успела устояться. В других бюро таких, как я, именуют «dream-man». Мы у себя из принципа и патриотизма пользуемся, как правило, только русским, и пытались в самом начале работы, когда контора еще только создавалась, перевести это наименование на родной язык. Получился «снивец». Слово привилось, но в другом значении: так у нас теперь называют всякого не-специалиста, которого мы встречаем в Пространстве Сна, в ПС, иными словами – всякого спящего по природной потребности, а не по заданию. Вместо этого слова возник лексический метис: «дрим-опер», а также – несколько позже – «дрим-драйвер», это более высокая ступень, нечто вроде капитана, и «дрим-инспектор», где-то, по-моему, между майором и подполковником. Что же касается «дрим-мастера», то это уже генеральский чин. Эти словесные мулы и работают. Еще более употребительным стало обобщенное «дример». Хотя «снивец» у нас порой и для своих употребляется – в качестве пренебрежительной клички; когда вам случится возвратиться с задания без нужного результата, будьте готовы к тому, что именно так вас и окликнут.

Впрочем, со мной такого не случалось уже давненько.

А вообще-то я такой же человек, как вы. И живу, может быть, на соседней улице, не исключено – в том самом доме, что и вы, и даже – в квартире за стеной. Правда, выхожу редко. И дома бываю далеко не всегда.

Большую часть времени я провожу вне времени – как бы странно это ни звучало. Потому что в Пространстве Сна, где я выполняю задания, времени в нашем привычном понимании просто не существует. С этим фактом вам еще не раз придется сталкиваться. То, что мы счи-

таем прошлым или будущим, там существует совместно. Время там, если можно так выразиться, развернуто на плоскость – как можно, допустим, развернуть на плоскость трехмерный куб. Поэтому именно там, в Пространстве Сна, возможно получать наиболее вероятные, то есть соответствующие действительности данные и о том, что мы называем прошлым (это история), и о будущем (в нашей терминологии оно именуется Шестым измерением Континуума).

Иными словами, то, чем мы занимаемся в Пространстве Сна, по сути дела, есть обычная научная работа; просто она проводится в непривычных, необычных условиях, в которых многие наши представления не работают, зато действуют некие другие закономерности, неприменимые в привычном нам мире – Производном Мире, мире яви. А по этой причине методика нашей научной работы и обстановка, в которой она проводится, больше похожи на работу военного разведчика или полицейского сыщика. Наши задачи решаются не в кабинетах, не на бумаге и даже не на платах компьютеров – хотя без них, разумеется, мы не обходимся, как не обходятся без них во всех других областях жизни.

Такая вот работа.

Случается, конечно, что свои возможности мы используем и не для чисто научных целей; подражаемся на контрактной основе производить какие-то действия в Пространстве Сна. С непременным условием: если они не являются для кого-то вредными. У нас существует что-то, смахивающее на клятву Гиппократова у медиков – хотя, как вы уже видели, к этому благородному искусству я, например, не имею никакого отношения.

Кстати, участие в той хирургической операции в Пространстве Сна – работа по соглашению. Институту нужны деньги, а что касается меня – я тоже от них никогда не отказываюсь, если можно подработать, ничего не преступая.

Будем считать теперь, что мы знакомы.

Прогулка на свежем воздухе

Я живу незаметно. Соседи по подъезду считают меня спокойным, достойным, миролюбивым человеком. И жалеют. Они полагают, что я серьезно болен – потому что время от времени приезжает институтская «скорая» и меня увозит. Однако болезнь тут ни при чем. Наш Институт беден транспортом. Он научный, но не бюджетный, вообще не государственный – хотя юридического владельца у него тоже нет. Некое странное положение между небом и землей – или, точнее, между сном и явью. Так что с деньгами у нас туго. А то его отделение, в котором я числюсь...

Но об этом говорить пока преждевременно. Что же касается соседей, то «скорая» просто всегда бросается в глаза, а когда за мной присылают непрестижный «Фольксваген» или я раскочегариваю свою пожилую, выдавшую виды «десятку», это как-то не задевает ничего внимания.

Впрочем, сам я сажусь за руль все реже. Но когда сейчас угадчики погоды пообещали несколько ясных, жарких дней, я не утерпел. Только что я справился с одним заданием, не очень сложным – но не из самых простых, не с тем, о котором уже рассказывал, – и получил отгулы. Быстро собрал рюкзачок, вытянул машину из консервного гаражика, в котором она коротает дни, и, на ночь глядя, ударился в бега.

В Подмоскowie, не то, чтобы ближнем, но и не очень дальнем, есть такие облюбованные мною местечки, где никто не мешает жить. Не мотели, не дома отдыха и даже не избышки на курьих ножках. Просто деревья. Ручеек – не безудержный болтун, но и не вовсе немой. «Серебро и колыханье сонного ручья» – каково сказано? Чем дальше, тем больше мне хочется жить в этом стихотворении, и потому места, похожие на него, я отыскиваю, запоминаю и, когда удастся, пользуюсь ими. Конечно, в сухую погоду: в мокреть туда на колесах не доберешься, а времени для такого отдыха у меня чаще всего бывает в обрез и жаль тратить его на дорогу.

Собираясь, я не взял ни ружья, ни удочки: я не кровожаден. И навещаю эти места только чтобы освободиться от тупого давления чужих излучений и полей, настроить свою струну по камертону природы, а совершив это – слушать, как растет трава и секретничают камыши. Не нужно ни читать, ни мыть посуду (мои обычные ночные занятия в городе), зато можно вспоминать, и снова видеть «ряд волшебных изменений милого лица».

Я доехал спокойно...

Вообще-то все это к делу отношения не имеет. Наверное, просто захотелось расслабиться в неспешном, необязательном разговоре. Ну, ладно.

* * *

...спокойно остановил машину на обычном месте, отворил дверцу и, еще не вылезая, прислушался, чтобы убедиться, что поблизости нет никого, кто мог бы испортить мой отдых. Никем и не пахло. Тогда я выбрался, подошел к знакомой сосне и несколько минут постоял в обнимку с деревом. Чувствовалось, как сосна понемногу высасывает из меня тоску и недоумение существования, постепенно замещая их чувством покоя и единства со всем, что существует во вселенных – этой и той, другой. Потом сел, прислонившись спиной к стволу, шершавому и грубому на ощупь, но исполненному доброжелательности в глубине, закрыл глаза и попытался ввести свои ощущения в ритм ощущений дерева, его восприятий. Они просты и подлинны, и я часто жалею, что Великий Спящий, создав деревья, не завершил на этом творения, но зачем-то его продолжил и создал нас – суетных, нелепых, противоречивых и опасных. Я сидел; время стало исчезать, теряться, я перестал чувствовать его движение (ощущение, хорошо знакомое по работе), вошел в его неподвижность и всеобъемлемость. Чувство счастья стало подниматься

над землей, словно бы я сидел на морском берегу в пору начинающегося прилива; вот меня залило уже по пояс, по грудь, скоро-скоро захлестнет с головой – и можно будет общаться с миром, единым в едином времени, общаться не по заданию, когда все подчинено цели и не может течь в своем природном, исконном направлении, когда ты волей-неволей вынужден исказить картину бытия своим даже не вмешательством, но уже одним присутствием, – но дышать с ним одним дыханием, с вмещающим все и более чем все миром. Прекрасно...

Но уровень счастья, его прилив стал вдруг замедляться, вскоре и совсем замер, добравшись едва до горла. Я насторожился. Приглушенно, едва слышно звучал неподалеку чей-то голос.

Нет, я не разозлился – деревьям это не свойственно, – но искренне удивился: кто и с кем мог разговаривать здесь, где присутствие человека совершенно не ощущалось (а в сиюминутном состоянии я учуял бы его и за километр)? Медленно-медленно я вернулся к способности размышлять и сразу же понял. Виноват был я сам. Приемничек в машине, столь же древний, сколь и она сама, иногда не желал работать ни за какие блага (его, по совести говоря, уже давно пора было выкинуть, но я не люблю выбрасывать вещи: никогда не знаешь, в каком мире и в какой ситуации снова встретишься с ними, таящими обиду); иногда же он вдруг начинал действовать сам по себе – возникало у него такое настроение, что ли? – потому что после безуспешных попыток я, случалось, оставлял его включенным. И вот сейчас он вместе с машиной тоже решил, наверное, показать, как хорошо им тут – и не нашел другого способа. Трогательно, конечно, со стороны машины. Но это бормотание мне мешало. И не оставалось ничего другого, как подняться, сделать несколько шагов и призвать болтуна к порядку. Я так и сделал, протянул руку к панельке, но, по старой привычке, попытался разобрать – о чем это он там: всегда полезно знать, от чего отказываешься. Ну, что же там за мировые потрясения?

«Груздь, – жужжал и кашлял приемник. – Груздь, Груздь, Гру, Гру, Гру...» – остальные слова склеивались в перестоявшую кашу.

Ах, Груздь. Знаем, знаем. Кто не знает. Как же: Груздь... Профессор Груздь, краса, гордость и надежда на райское будущее и завоевание мирового автомобильного рынка! Хотя, кажется, не автомобильного, а какого-то другого.

Но, между прочим, и хрен с ним. Не моя забота. Вокруг него хватает народу. Пусть они и волнуются. Черт, эта музыкальная шкатулка что – яснее не может? Я попробовал поправить настройку. Отдельные слова стали прорезаться, словно изюмины в гурьевской манной. «Сон... третьи сутки... обратились... не принесли успеха...»

Нет, все-таки – хрен с ним!

Придя к такому окончательному выводу, я выключил приемник и вернулся к сосне.

* * *

Но былой тишины уже не было.

Сперва мне почудилось, что где-то, очень недалеко, плачет совсем маленький ребенок.

Нет, не младенец: тот делал бы перерывы, чтобы вдохнуть. Не ребенок, слава Богу, Великому Спящему. Комар?

Злобный, бессмысленный комар зудел вдалеке. Поперхнулся на мгновение и снова зазвучал – басовитее. Я поднял голову. Вершины деревьев осветились. Только на миг, но мне и этого было достаточно. Комар? Нет, водитель переключил передачу. Снова пронеслась полоса света, уже ярче. Гудело громче. Гудение было знакомо, как звук смывного бачка – ни с чем не спутаешь. Это ко мне. Я вздохнул. Не ко мне, точнее, а за мной. Нашли, сукины дети. Вычислили. Черти бы их всех взяли!

Уже вдалеке между деревьями мелькали конусы света от фар – вверх-вниз, вверх-вниз. Качели. Ну, здесь не шоссе, а лесная просека. Я мгновение колебался: сесть за руль и погонять

их по лесу? Право же, стоило бы. Но возраст не тот для игры в салочки. Да и чего мне бояться? На сей раз где они сядут на меня, там и слезут. В последний раз я, как-никак, проснулся полуживым, и это всем известно. Мне нужен отдых. И в конце концов я не единственный, кого можно посылать даже и по очень горячим делам. У меня бока болят, я сесть не могу нормально! Нет, нет и нет, милостивые государи!

Мотор взрыкивал, как недовольный пес. Я сунул руки в карманы брюк и вышел на просеку. Остановился с донельзя вызывающим видом. Чтобы им, кто бы ни сидел в той машине, сразу стало ясно, что я не в настроении. Я неприступен. Свои права знаю не хуже, чем обязанности. И катились бы они все...

Для того, чтобы приближающимся стало совсем ясно мое к ним отношение, я, стоя в лучах фар, расстегнул «молнию» и стал увлажнять почву. Жидкость на свету искрилась, как бриллианты на черном бархате в ювелирной витрине.

Они сменили свет на ближний, мигалка на крыше погасла, и дверцы «скорой» гостеприимно распахнулись. Я привел в порядок одежду, сделал шаг вперед и даже не просто остановился, а прямо-таки врос в усыпанную хвоей, пружинистую землю.

– Ну, с чем вас принесло? – спросил я, стараясь, чтобы вышло поглубже. – Зря только бензин жгли. Меня здесь нет. Вот просто нет, и все тут. Мой вам совет: проезжайте еще немного вперед, там найдете местечко, где можно развернуться, – и уматывайте по своим следам.

Если бы мне ответили в той же тональности – заткнись, мол, и слушай приказ, – я, чего доброго, действительно встал бы на тормоза. Хотя понимал, что они приперлись сюда среди ночи вовсе не для того, чтобы составить мне компанию.

Но они разумели это не хуже меня.

Они вышли все трое: врач и два санитары, как полагается. Здоровенные мужики, им бы лес валить, добывать экологию. Врача звали Семен Семенычем, по фамилии Соколов – именно так, через «а». Санитары именовались: один – Лазарь Тимофеевич, второй – Васятка. Все из нашего Института, из наземной его части, все – старые знакомцы.

– Да по делу, друг мой милый, все по делу, – ответил Семен Семенович очень мирным голосом и даже с ноткой извинения. – Возникла острая потребность в тебе. Ничего не попишешь – жизнь такая.

– Привет, – сказал я. – Давно не виделись.

– Ты скажи сразу: обниматься будем или как? – поинтересовался санитар Лазарь Тимофеевич.

– А то у нас рубашечка с собой, – добавил Васятка. – Ну совершенно новая, рассчитывал обновить.

– Побереги для себя, – посоветовал я. – Семеныч, и как ты их терпишь? Грубые, невоспитанные...

– Изучаю психику высших человекообразных, – пояснил врач.

– А их что – уже и высшими признали?

– Семен Семенович, – ядовито поинтересовался Лазарь, – а это правда, что от долгого сна у людей мозг размягчается и крыша едет?

– Потому нас с тобой и держат, – сказал Васятка. – Ну что – берем вдвоем?

– Ладно, остряки, – буркнул я. – Так что там стряслось?

– Консилиум, – кратко ответил врач.

Я присвистнул.

– Нет, ты не так свистишь. Сейчас надо в четыре пальца, – поправил меня Соколов. – Потому что консилиум – Большой. И срочный.

– Вот дают... – только и смог пробормотать я. Потому что Большой консилиум – явление куда более редкое, чем, скажем, Олимпийские игры.

– Так что поехали. Установку тебе дадут на месте.

Во мне мигнула надежда: может быть, я им понадобился как консультант, а не для выхода? Это было бы еще туда-сюда. Вполне терпимо.

– Ладно. Едем.

Лазарь Тимофеевич спросил:

– Может, в нашей поедешь? На носилочки приляжешь. Поспишь, пока доедем.

Я не счел нужным отвечать. Сел в свою, за руль.

– Вам сказано, где развернуться. А я уже на ходу. Так что догоняйте, злодеи жизни моей.

И включил зажигание.

Институт

«Скорая» догнала меня уже в городе, за Кольцевой, а еще точнее – не она догнала, а я остановился на проспекте и подождал их. Там, уже без возражений, я пересел в медицинское средство транспорта, а Лазарь Тимофеевич влез за руль моей машины, чтобы отогнать ее ко мне домой и запереть в гараже. Все это было привычно и делалось уже не раз. Подъезжать к нашему Институту на своих колесах или просто приходиться пешком от ближайшей остановки троллейбуса или метро мне – и всем таким, как я, любому из состава дрим-команды – было категорически запрещено. Может быть, правило и являлось излишним, возможно, такая секретность вовсе и не требовалась – однако не нами было так заведено, и отменять это правило, похоже, никто не собирался.

Хотя – во всяком случае, на первый взгляд, да и на второй тоже – ничего такого в нашем Институте не было. Собственно, он официально не назывался даже институтом; небольшая пластина рядом с кружевными железными воротами, открывавшими (или, наоборот, закрывавшими) доступ на обширную территорию, окруженную бетонным забором четырех с половиной метров в высоту, была снабжена надписью, недвусмысленно сообщавшей, что здесь расположена нервно-оздоровительная клиника профессора, засл.д. мед. Д. М. Сокольникова. От ворот аккуратно заасфальтированная подъездная дорога вела к белому четырехэтажному зданию, красивому, но слегка испорченному двумя мощными параболами антенн, поднятыми над крышей на решетчатых конструкциях. Наверное, целители нервов нуждались в спутниковой связи с коллегами где-нибудь в другом полушарии – во всяком случае, такое объяснение должно было бы прийти в голову любопытствующему прохожему, окажись он здесь. Правда, прохожих было мало; в Москве, как ни странно, есть еще уединенные уголки, даже и не очень далеко от центра.

...Водитель Петр Игнатич, приближаясь к воротам, нажал пуговку у себя на щитке и даже не стал тормозить: ворота покорно разъехались и, едва позволив нам проскочить, сомкнулись с негромким лязгом. «Скорая» миновала главный подъезд, не остановилась и у бокового, на котором светилась вывеска «Прием больных». Водитель затормозил только перед гаражом, располагавшимся на хозяйственном дворе за главным зданием. Гараж раскрыл нам свои объятия, мы въехали, и створки затворились за нами.

Только теперь я смог выбраться из машины. Доктор с Васяткой вылезли тоже. Еще один тип в белом халате ждал нас.

– Большой доставлен, – доложил доктор Соколов.

– Вы не спешили, – произнес встречавший суховато.

– Уж как смогли.

– Жаль, что я не улетел на Сахалин, – сказал я. – Была такая идея: искупаться в Тихом океане. У меня отгулы.

– Боюсь, как бы мы не опоздали, – проронил встречавший, никак не отреагировав на мое заявление.

– Приятных сновидений, опер, – бросил вдогонку нам доктор Соколов.

– Увидимся, когда проспишься, – добавил Васятка.

– В темпе, в темпе, – бросил встречавший, старший дрим-инспектор Борич.

Он отворил заднюю дверь гаража. Мы спустились на несколько ступеней и двинулись по туннелю, соединявшему гараж с главным зданием – и не только с ним. Пройдя туннель, снова преодолели несколько ступеней, на этот раз – вверх. Остановились перед дверью. Борич вложил свою карточку, негромко проговорил: «Борич». На двери мигнула зеленая лампочка, свет потрепетал, загорелся устойчиво. Настал черед моей карточки. Я вложил ее, представился: «Остров». Две зеленых лампочки показали, что идти можно.

Мы вошли в коридор, вряд ли чем-нибудь отличавшийся от всех остальных в заведениях подобного рода. Двери, двери, двери, одни с ручками, другие – без; местами таблички: «Ординаторская», «Старшая сестра», «Врач», «Врач», «Врач», «Сестринская», «Бельевая»... Клиника как клиника, и вряд ли нужны были все предосторожности, с которыми мы уже успели столкнуться. Мы шагали спокойно, обмениваясь редкими словами:

– Отчего тревога – не знаешь?

– Не уполномочен объяснять. Могу только сказать, что не весь синклит в сборе. Только наши, московские. Легаты приглашены на более поздний час. Зато налицо какие-то посторонние.

– Интересно. Что бы это могло означать?

– Хотел бы я сам знать, – пробормотал Борич.

Несколько шагов прошли молча.

– А что готовят? Какой старт?

– Узнаешь, надо полагать.

– Зануда ты, Борич, – прокомментировал я его ответы. – И формалист.

– Ага, – согласился Борич. – Имеет место быть. Но в данном случае я просто ничего не знаю.

Мы подошли к посту дежурной сестры; на сей раз тут сидела Лиза. Мы остановились. Я вздохнул и сказал вполголоса:

– Лизочка, хоть когда-нибудь я увижу вас не в этом халате?

– А в чем бы вы хотели? – поинтересовалась она, таинственно прищурившись.

– Он хотел бы в белье, только чтобы оно валялось где-нибудь по соседству, на ковре, – ответил вместо меня Борич.

– Ни в коем случае! – возразил я. – Белье следует оставлять на пуфике.

– Девушка может прийти к вам, в чем мать родила, залезть под одеяло и провалиться там хоть сутки – а вы и не пошевелитесь! – обиженно заявила Лиза.

– Можно подумать, что вы пытались, – заявил Борич с подозрением в голосе.

– Вам-то откуда знать?

– Лизочка, прелесть моя, – пропел я нежно. – Но ведь я же не каждый раз сплю на работе.

– Нет уж. Вы лучше дайте мне ключ от дома.

– А что, – обрадовался я. – Это мысль. Я подумаю. Но чтобы без обмана. Чтобы не получилось так, что вместо вас моим ключом воспользуется сестра-хозяйка. Или, например, я приду, а вы окажетесь там с Боричем.

Глаза сестрички выразили крайнее возмущение таким предположением, мыслью – но тут же взгляд ее изменился, стал спокойно-сосредоточенным, и обычный наш треп закончился. Потому что на мониторе засветилась разрешительная комбинация.

– Можете идти, – вздохнула Лиза и кивнула – серьезно и как бы даже сочувственно.

Мы вошли в нишу, перед которой располагался Лизин столик. Подошли вплотную к задней стенке ниши. Стенка ничем не была примечательна, кроме разве что не совсем обычного, гравированного по медной табличке рисунка на уровне глаз; изображено было дерево, но не растущее вверх, как ему полагалось бы, а изгибающееся аркой и врастающее в землю своей верхушкой. Дерево было неопределенной породы, стилизация, а не работа с натуры. Мы остановились. «Борич», – произнес мой спутник. «Остров», – представился я. Стенка раздвинулась, ушла в стороны. Открылся лифт – он же по совместительству проверочная камера. Мы вошли. Створки бесшумно съехались, пол дрогнул – кабина пошла вниз. На самый нижний из тех шести этажей, что располагались под четырьмя, доступными взгляду.

– Идиотская планировка, – буркнул я. – Столько времени теряется на то, чтобы попасть на место.

Борич пожал плечами.

– Если бы строилось по проекту, – безразлично проговорил он. – А то ведь – сам знаешь. Я знал, конечно, да и любой из нашего хозяйства знал. Институт наш – и верхняя его часть, и нижняя – возникли относительно недавно, но не на пустом, к сожалению, месте. Выбить эту территорию тогда стоило многого – и нервов, и всего прочего. Клиника была зарегистрирована как частная, а с частника только ленивый не брал, хотя бы и с профессора и засл.д. мед. Когда земля была оформлена и долгострой, начатый еще при генсеке Горохе каким-то агропромовским департаментом (чье имя история не сохранила), передан с баланса на баланс, дела пошли быстро, но денег не хватало, потому что финансирование шло без учета наших отечественных особенностей, подземную часть сделать удалось, доставить и разместить оборудование – тоже (странное, кстати, оборудование: изготовленное не в нашей стране, оно тем не менее не проходило ни через одну таможню; вроде бы само собой возникло – но это никого не смутило), а вот на основательную перепланировку внешнего корпуса средств не достало, и пришлось как-то приспособливаться, в частности – проникать вниз через первый надземный этаж, что было со всех точек зрения нецелесообразно. Но – господа, мы же в России были, в Москве. Конечно, клиника проф. Сокольникова приносила некоторый доход – та, что размещалась наверху, – но то, что обитало внизу, жило не за ее счет, а за чей – неизвестно, потому что контракты всех расходов, разумеется, не покрывали и на четверть, официально же нас вообще вроде бы не существовало – во всяком случае, до сих пор. Так что не до новой планировки было. Обходились старой.

* * *

(Я вам советую не очень доверять этой истории о том, как возникал Институт. И относительно его оборудования – тоже. Из ничего, как известно, ничего и не может возникнуть. Так что... У меня, среди множества прочих недостатков, есть и такой: когда я по серьезной причине не могу сказать правды, я начинаю сочинять. Однако каждый раз ставить в таких местах галочку не собираюсь; разбирайтесь, коли хотите, сами, а не хотите, так и не нужно.)

* * *

...Лифт остановился. Мы вышли в распасовочную – так это помещение называлось на нашем рабочем жаргоне. Тут, увы, уже не было Лизочки, а имелся молодой человек очень спортивного вида в халате поверх джинсов и очень престижной разрисованной футболке. Он находился здесь на всякий случай: чтобы вынуть из лифта человека, который пожелал бы им воспользоваться, не имея на то весомых оснований; добравшись до нижнего этажа, незванный гость оказался бы уже под полным наркозом и никак не смог бы выбраться своими силами. Молодой человек сидел на стуле перед компьютером и что-то читал. Мельком глянул на нас, приветственно кивнул, забрав у нас карточки, служившие пропуском сюда. Потом нажал что-то на своей клавиатуре и ткнул пальцем в сторону одной из дверей. Туда мы и направились.

Здесь все казалось похожим на верхние, клинические этажи. Коридор и двери. Только таблички выглядели иначе. «Обсерватория», «Центральная компьютерная», «Центр связи», «Оперативная модельная компьютерная», «Аналитики реальной плоскости», «Аналитики правых плоскостей», «Контрольная энергоблоков», «Костюмеры», «Химическая служба», «Аналитики левых плоскостей», «Оружейная», «Студия записи», «Архив», «Конструкторы», «Шифровальная», «Композиторы гипотез», «Срочная дешифровка», «Красная комната», «Приемная Консилиума». Перед этой дверью мы и остановились. Постояли секунду и вошли, не дожидаясь больше никаких сигналов.

И тут господствовал стандарт: столик, молодой человек, с которым мне вряд ли захотелось бы мериться силами – только у этого под халатом была не майка, а костюм от Ле Монти.

За его спиной тоже помещалась дверь, но уже не простенькая, белая, гладкая, а высокая, двустворчатая, рельефная и расписанная по белому золотом, словно в старинной усадьбе графа Растаковского-Разэдакова; впрочем, под всей роскошью угадывалась натуральная, без затей, броня. Молодой привратник кивнул нам и пробормотал что-то; я не разобрал слов, да они не нам и предназначались: крохотный микрофон был пришпилен к лацкану модного пиджака взамен подразумевавшейся хризантемы. Юноша внимательно выслушал ответ, а потом снизошел до того, чтобы передать нам его содержание:

– Поскольку приглашенные на Консилиум люди несколько задержались наверху, вы можете еще немного отдохнуть. У вас, – он глянул на часы, – пятнадцать минут свободных.

Нечто удивительное: опоздавших тут никогда не ждали, а тем более каких-то приглашенных. Да и кого и когда это приглашали на Консилиум? Для обсуждения и решения наших вопросов на Консилиуме всегда хватало своих людей, недаром это были Мастера.

Однако же начальству, как говорится, виднее.

– Вернемся через двенадцать, – сказал Борич. – Будем на этом уровне.

– Через десять, – поправил цербер, и мы перестали для него существовать.

Падение в бездну

Мы снова очутились в коридоре. Для меня передышка оказалась даже кстати: нашлось время привести себя в полный порядок – смыть, как под душем, досаду и легкое недовольство из-за сорвавшегося передыха, утихомирить неизбежное перед новым заданием волнение, настроиться на привычное ощущение: все нормально, все идет, как надо, дела были, есть и останутся в порядке, и здесь тебе не подsunут ничего такого, с чем ты не смог бы справиться: тут хорошо знают возможности каждого дримера, его порог и его потолок... Пока я внушал себе это, Борич промолвил:

– Ну, куда мы – в кантину, или пробежимся по кабинетам?

Кантиной мы называли нашу внутреннюю столовку – очень неплохую, кстати сказать. Но сейчас я не испытывал ни аппетита, ни жажды и потому выбрал второе:

– По закоулкам.

Борич кивнул. Он был спокоен, и ему было все равно: не он ведь через четверть часа будет получать задание. А со мною, девять против одного, именно это и случится.

– Пошли.

Однако уйти далеко нам не удалось. Одна из дверей – третья справа – распахнулась, похоже, от толчка ногой изнутри, и перед нами возник человек в кремовом халате, какие носят операторы компьютерных отделов. Глаза его, величиной чуть ли не с теннисный мячик, были выкачены настолько, что казалось – вот-вот выпадут на пол и покатаются, подпрыгивая. Он едва не налетел на нас. Боричу удалось предотвратить кораблекрушение, схватив парня за плечо:

– Живот схватило? Тогда ты ошибся: гальюн в другой стороне.

Тот, кажется, только сейчас сообразил, что перед ним стоят два человека. Мало того: он даже ухитрился узнать нас. И тут же издал боевой клич:

– А, это вы? Давайте сюда. Да быстрее же!

– Вообще, когда ко мне обращаются в такой форме... – начал было Борич. Но парень уже тащил нас с мощью портового буксира. Совершив сложное телодвижение, оказался за нашими спинами и втолкнул туда, откуда только что выскочил сам.

* * *

Это был кабинет виртуального слежения. Первым, на что падал взгляд, когда вы в него входили, был сорокадюймовый экран. Так случилось и с нами. И как только возник, как говорится, зрительный контакт, все прочее сразу же перестало нас интересовать.

Изображение на экране трудно было определить одним словом. Самым близким, пожалуй, было бы «калейдоскоп». Но своеобразный. Мы словно находились в цилиндрической кабине свободно падающего лифта с прозрачным полом и стенами, очень любезно позволявшими видеть ту трубу или шахту, по которой мы низвергались; видеть все, кроме ее дна – потому что его не было.

Мимо нас равномерно пролетали изображения, из которых и состояла труба; казалось, то были вогнутые, плотно подогнанные друг к другу экраны, на которых – в натуральную величину – виднелось все на свете и еще многое сверх того. Но я-то знал, что на самом деле никаких экранов там нет; это были входы в миниконы, миниконтинуумы, чтобы вам было понятнее.

Комнаты, залы, хижины, подвалы, ангары, пещеры, камеры, шахтные забои и штреки – интерьеры на любой вкус, третичные, четвертичные, античные, вчерашние, сегодняшние, завтрашние, послезавтрашние;

люди, нелюдь, лошади, собаки, львы, крокодилы, орлы, грифы, киты, скаты, акулы, крысы, драконы, единороги, жуки величиной с носорога, стрекозы с волчьими челюстями, неизвестно кто, непонятно кто, и вообще вообще невообразимое;

пальмы, сосны, камыши, дубы, секвойи, подсолнухи, кактусы, пшеница в поле, кусты малины, корявый саксаул, снова пальмы, но уже другие, с мясистыми, а не веерными листьями, виноградники, помидорная плантация, вишни, карликовые и обычные, ягель, бананы, высаженные по ниточке, ядовитое дерево анчар;

реки, ручьи, водопады, гейзеры, заливы, пруды, проливы, озера, фонтаны, лохани, водохранилища, подпертые плотинами;

суда, парусники, галеры, триремы, линейные корабли, ракетные крейсера, подводная лодка в погруженном положении, яхта с бермудским вооружением, шлюпки, катамараны полинезийские и спортивные, белоснежный лайнер, громадный, почти целиком погруженный в воду танкер, пограничный катер, пятимачтовый барк под голландским флагом; паровозы, тепловозы, автомобили, велосипеды, скейты, электровозы, дрезины, бронепоезд, нечто многоногое, шагавшее по песчаному плато, мотоциклы; истребители-бомбардировщики, «СУ» и «Фантомы», «Фарманы» и «Илья Муромец», планеры, дельтапланы, «Яки», «Сесны»...

И еще многое, многое, многое. И все это – в движении, взаимодействии, суете, схватке, радости, горе, на взлете, в падении, в столкновении...

Все это снизу налетало на нас, пронеслось мимо – устремлялось вверх и исчезало из виду.

И сопровождалось громким, отчаянным, смертным криком человека, напуганного до последнего, растерявшегося, зовущего на помощь и прощающегося с жизнью.

Но крик этот доносился не из шахты. Он звучал где-то тут, по соседству, пробивая насквозь не очень качественную звукоизоляцию, какой был оборудован наш Институт.

* * *

– Кто там, на выходе? – спросил Борич.

Оператор ответил:

– Степ – так его все зовут. А еще у него есть прозвище – Веник. Зеленый совсем парнишка. Второй сольный выход.

Я напрягся и вспомнил Степа. Молодой, из породы энтузиастов. Таким, бывает, приходится солоно в настоящей работе.

– Где тело? – спросил я.

– В пятой... Да, в пятой.

– Выход на него у тебя есть?

Оператор кивнул. Микрофон он держал уже наготове. Передавая, он спросил:

– Куда это он попал, по-твоему?

Я пожал плечами:

– Туннель Узла. Лучшее средство сообщения между уровнями. Если тебе надо выбрать или найти нужный макрокон. К сожалению, не контролируемое – нами, во всяком случае. Чему вас учили?

Он, похоже, обиделся:

– Про Туннель я знаю. Просто никогда не видал в натуре.

– Я тоже только однажды, – признался я откровенно. – Только не здесь, в Институте, а там, изнутри. Как вот он сейчас. Похоже, подсознание у него работает хорошо, но на пределе.

Я сказал так потому, что все, что мы видели, мы получали, анализируя процессы, всю бурлившие сейчас в подкорке Степа. Превращать уловленные сигналы в картинку было поручено батарее компьютеров, только этим и занимавшихся.

Сейчас парня надо было выручать. Наверняка он попал в Туннель случайно, потому что в него даже при всем желании можно пробраться далеко не всегда: для этого мы еще слишком мало знаем и умеем. Но надо хотя бы толком объяснять молодым, как улавливать признаки приближения Туннеля и как уберечься от засасывания в него. Судя по происшествию, у нас этим занимались из рук вон плохо.

Я начал говорить в микрофон – спокойно, размеренно, убедительно:

– Степ! Я Остров. Спокойно! Главное – спокойно. Бояться нечего. Ты не разобьешься. Это не падение. Там нет дна. То, что ты видишь вокруг – выходы в другие континуумы и макроконтинуумы. Но там лишь наши, земные миниконы, так что ни в какой другой мир ты не угодишь. Успокойся. Вспомни: на самом деле ты лежишь тут, у нас. И никуда не денешься...

(Это было не совсем так, а точнее – вовсе не так. Но сейчас Степ явно не в силах был рассуждать логически. Он верил голосу, а не словам.)

– Теперь слушай внимательно. Перестань дергаться! Ты дример, а не размазня! Начинай медленно вращаться, как бы на одном каблуке. Внимательно смотри: какой выход покажется тебе самым благоприятным? Не к пальмам или баобабам, а к родным березкам. Найди подходящий микрокон. Произнеси формулу перехода. Ты ее вспомнишь. На всякий случай, напоминаю...

Я громко, четко выговорил все слова формулы. И закончил вовремя: Борич тронул меня за локоть.

– Время, Остров.

Я кивнул и сказал оператору:

– Все время напоминай ему формулу. Ты ее запомнил?

– Записал.

– Молодец. Нам пора. Потом расскажешь, как он вел себя.

* * *

На этот раз молодой человек от Ле Монти посмотрел на нас доброжелательно.

– Можете заходить, – изрек он.

Мы с Боричем покосились на двух мужиков независимого облика, оказавшихся теперь тут, по обе стороны входа в резиденцию Тигра. В наше штатное расписание они заведомо не входили.

– Это свита, – сказал олемонтенный. – Их хозяин там.

Новости сыплются, словно из решета.

Но тут бронированные ворота наконец мягко растворились, и мы с Боричем синхронно, плечом к плечу, перешагнули через порог.

Консилиум

Мы остановились, четко приставив ногу. Секунда – дверь за нашими спинами затворилась.

– Старший дрим-инспектор Борич.

– Дрим-опер Остров, – представились мы, хотя каждый здесь и без того отлично знал любого из нас.

Председатель сказал:

– Вношу прежде всего поправку: вам, Остров, еще вчера присвоен уровень дрим-драйвера. Поздравляю.

Остальные прогудели что-то в этом же роде.

– Постараюсь соответствовать, – ответил я, как полагалось.

– Вы присутствуете на заседании Консилиума Московского бюро Планетарной Системы ОПС.

Аббревиатура означала: Операции в Пространстве Сна.

– В Консилиуме приглашены участвовать, – продолжал председатель, – также легаты Первого, Третьего и Четвертого бюро. Они, однако, присоединятся к нам несколько позже, почему – вскоре поймете сами. Прошу вас садиться, старший инспектор и драйвер. Займите места временно отсутствующих.

Только после этого официального приглашения мы сдвинулись с места, направляясь к свободным местам, и появилась возможность исподволь осмотреться. Хотя помещение это было нам давно известно: тут нас, бывало, хвалили, тут же куда чаще вставляли фитиль, и в этих же стенах мы получали очередное задание и порой невольно ежились, заранее представляя себе, с чем придется столкнуться при его выполнении.

* * *

Мы находились в обширном зале. За столом, имевшим форму подковы (уж не знаю, по каким соображениям его сделали таким, но хотелось думать, что стол должен был служить своего рода символом удачи всех наших дел, таким стационарным талисманом), – за столом этим, если не считать нас с Боричем, сидело пятеро. Все люди мне давно знакомые: вся пятерка была – наши Мастера, из России. Отсутствие на Консилиуме представителей других головных бюро (Первым с самого начала считалось Лондонское, третьим – Иерусалимское, четвертым – бюро в Осаке, пятым – Чикагское, а всего на планете их сейчас насчитывалось, по-моему, не менее дюжины, но именно эти считались ведущими, включая Второе – наше, московское), – отсутствие это уже само по себе означало, что речь пойдет о деле не просто серьезном и касающемся прежде всего локальных российских интересов, но и – что могло оказаться куда более серьезным – о деле в определенном смысле деликатном, сугубо семейном, в которое посвящать наших коллег из иностранных бюро то ли следовало, то ли – нет. Я знал, что теоретически возникновение таких дел допускалось. Но на практике, насколько мне известно, сталкиваться с такими случаями Институту не приходилось.

Каждый из российской пятерки был рангом намного выше Борича, не говоря уже обо мне: и председательствующий, Тигр Подземелья, и остальные четверо наших (Жокей Мысли, Пещерный Лев, Висячий Замок и, само собой, Корявый Дуб), так же, как отсутствующие представители других бюро: Меч Артура, Привратник Храма и Лепесток Вишни (то была женщина). Вряд ли нужно объяснять, что настоящие имена этих людей были иными – да ведь и Борич не был в миру Боричем, а мои документы за пределами Института ни словом не упоминали об Острове. Все было камуфляжем – потому что дела, которыми мы занимались, не

контролировались и не должны были контролироваться никакими властями; властям вообще не полагалось знать о нашем существовании, хотя, если говорить всерьез, мы были им необходимы – не только властям, но всему человечеству, всем вообще человечествам, великое множество которых насчитывает известный нам (подчеркиваю: известный нам, что вовсе не означает – известный всем на свете) Производный Мир. Но любая власть обожает вмешиваться в чужие планы, действия, бюджеты, штатные расписания, и так далее – даже не понимая как следует существа того дела, которому мешает. Наши же научные занятия были слишком серьезными для того, чтобы позволить дилетантам или невеждам совать нам в колеса не то что палки, но даже сухие былинки. Для властей все мы были обычными людьми, где-то числящимися и получающими зарплату (когда ее платят), или же получающими пенсию – за исключением одного-двух, вообще для властей не существовавших, потому что они давно уже выбыли из всяких списков и на поверхности земли никогда не показывались – во всяком случае, в данных координатах пространства и времени. У нас такими были Тигр и Дуб.

А кроме этих, давно и хорошо известных каждому из нас людей, в зале находилось еще двое, которых смело можно было назвать незнакомцами. Два не очень приметных, хорошо, неброско одетых гражданина среднего возраста. Такое на моей памяти случалось в Институте впервые: чтобы на нашей сходке (и, наверное, достаточно серьезной – судя по тому хотя бы, как меня притащили) принимали участие посторонние. Я с интересом посмотрел на хмурую физиономию Тигра Подземелья. Он криво улыбнулся и проговорил:

– Знакомьтесь, господа. Генерал Асунин. Петр Никитич. Первый заместитель главы СБ. (Один из незнакомцев чуть кивнул, печально глядя на нас, словно бы ему пришлось сознаться в неблагоприятном поступке – или, напротив, он намеревался сию минуту уличить нас в совершении таковых.) А также...

Тигр сделал паузу, и второй, слегка приподняв фундамент над стулом, пробормотал нечто, похожее на «Холлидей». Может, это было его кличкой, а может, он и вообще по-русски не тянул – меня в тот миг это не очень интересовало, куда интереснее был сам факт их присутствия.

Итак, гость к нам явился серьезный. Наши Мастера тоже шуток порою не понимали. Однако оба мы, даже воспитанный Борич, не говоря уже обо мне, от природы лишенном чувства почтительности, испытывая к гостям безусловное уважение, нимало их не боялись и не стеснялись, как в большинстве случаев боятся или хотя бы стесняются высокого начальства. Что бы они ни решали, исполнителями были мы, практики, а высидеть хорошего дрим-практика – дело долгое и тонкое. Так что нас старались гладить по шерстке, а мы в любой обстановке не роняли собственного достоинства и держали нос кверху и грудь колесом.

– Слово генералу, – произнес Тигр со странной, едва ли не вопросительной интонацией; похоже, он был чем-то несколько растерян. – Прошу, Петр Никитич, мы вас внимательно слушаем.

* * *

Генерал Асунин сделал движение, словно собираясь встать, но тут же передумал и еще более основательно утвердился на стуле.

– Понимаете, – начал он, – возникла нелепая ситуация. Выходит, что ваше учреждение – единственное, на кого мы можем всерьез рассчитывать. Мы полагали, что информированы о вас достаточно хорошо. Но начали разбираться – и оказалось, что ни малейшего представления о том, чем вы на самом деле занимаетесь, у нас нет. Потому что вы оперируете на территориях, которые мы не контролируем. Приходится идти на сотрудничество с вами, ничего, по сути, не зная.

– Ну почему же так уж и ничего, – не согласился Тигр. – Своих дел мы ни от кого не скрываем. Занимаемся наукой, только и всего. Историей, исторической географией, немного – прогностикой. Единственное, что может на первый взгляд показаться у нас странным – это наша методика. Она связана с работой во сне... вот, по сути, и все.

– Что вы работаете во сне – это мы знаем, хотя, честно говоря, не очень разумеем, что это значит. Сначала решили, что вы совершаете какие-то операции над людьми, усыпленными или, скажем, находящимися в летаргии... Кстати: что вообще такое – летаргия?

Пещерный Лев чуть усмехнулся. Он до сего мгновения держался несколько скованно (возможно, у него были в свое время какие-то стычки с департаментом, который представлял здесь генерал), но тут почувствовал себя в своей тарелке.

– А что такое – просто сон, вы, конечно, знаете. Листали Фрейда, Юнга, надо полагать...

– Пришлось подковаться за последние дни. Прочитал кое-что. Так что представление имею...

– Вот и плохо, – вмешался Тигр Подземелья.

Похоже было, что наши Мастера с двух сторон открыли по генералу методический огонь на подавление.

– Вот как? То есть лучше было бы, если бы я ничего не знал?

– Безусловно. Тут надо начинать, как говорится, с чистого листа. Так что придется вам совершить некоторое усилие и забыть все, чего вы успели нахвататься. Все ваши бесспорные знания должны ограничиваться тем, что вам самому приходится спать, и порой вам снятся сны. Разные сны.

– Ну, в этом я действительно уверен.

– Таков сегодняшний уровень вашего знания. А дальше – если хотите, я попытаюсь кое-что вам объяснить. Но, – Тигр поднял палец, – с одним непременным условием. Не пытайтесь влезть в нашу систему с вашими представлениями и методами. Вы обратились к нам за содействием – и придется поверить мне на слово, что мы – в принципе – в состоянии сделать то, о чем вы просите. Подчеркиваю: в состоянии. Всего лишь. Никакой стопроцентной гарантии нет и быть не может.

– Значит, все-таки...

– Ничего не значит. Допустим, вашей службе необходимо обнаружить человека, о котором известно лишь то, что он сейчас проживает на Земле. Один из пяти с половиной миллиардов ее жителей. И все. Вы знаете его биографию; но у вас нет ни малейшего представления о том, в какой стране, на каком материке он находится, как выглядит и даже – сколько ему сейчас лет. Я бы даже добавил еще: какого он сейчас пола. Подключив к розыску весь ваш аппарат, все смежные конторы, все ваши международные связи – можете ли вы стопроцентно гарантировать, что обнаружите его в течение недели?

Асунин, невесело усмехнувшись, покачал головой:

– Задача из категории невыполнимых. Тут может помочь разве что счастливая случайность. Может быть, на нее вы и рассчитываете? Тогда плохи наши дела.

– А ведь я далеко не все сложности вам изложил. Например, может возникнуть еще и такая ситуация: вот вы увидели его, вот опознали, даже протянули руку, чтобы схватить за плечо – ан его уже нет, и может быть, он в этот миг оказался в другом полушарии и в совершенно другом обличье...

– Ерунда какая-то.

– Это не ерунда, генерал. Это как раз то, с чем и в чем нам приходится постоянно работать. Мы называем это Пространством Сна. Вы не раз еще услышите сегодня эти слова.

– Пространство Сна... – медленно повторил Асунин.

– Хотя на самом деле это, конечно, не пространство в нашем обычном понимании. Мы не можем описать его физически – хотя сами там бываем, да и вы бываете, и каждый человек –

когда спит и видит сны. Но поскольку исследователю все-таки необходимо какое-то представление о том, с чем он общается, мы для себя рисуем это так: представьте, что вся наша Вселенная, все, что доступно нашим чувствам и разуму, весь наш трехмерный мир расположен внутри какой-то сферы, на внутренней поверхности шара, иными словами. Так вот, если весь известный нам мир находится на внутренней поверхности шара, то все пространство, в котором этот шар располагается, которое его окружает, – и есть то, что мы называем Пространством Сна. Но если обычный сновидец способен, самое большее, высунуть в это пространство лицо, то наши профессионалы (Тигр кивнул в сторону, где сидели Борич и я) сопоставимы с космонавтами, с той только разницей, что они преодолевают Пространство Сна – а оно воистину не имеет пределов – не при помощи каких-то механических средств передвижения, но благодаря определенной сумме методов и приемов, а также умению и личным свойствам, присущим далеко не каждому человеку. Не стану скрывать: дело это небезопасное. Что касается собственно Пространства Сна, то оно в определенной степени, по нашим данным, напоминает гипотезу Птолемея, то есть состоит из некоего множества слоев, и переход из одного слоя в другой – или с одного уровня, как мы чаще говорим, на последующий и обратно связан с некоторыми трудностями. Но это уже подробности, которые вас вряд ли заинтересуют. Могу еще добавить, что представления о физике этого пространства у нас пока самые неопределенные. И все же – оно-то и является истинным Миром, по сравнению с которым все то, что мы привыкли воспринимать как мироздание, выглядит мельче, чем пылинки по сравнению с Галактикой.

Он умолк, оглядел гостей и, похуже, остался доволен произведенным впечатлением.

– То есть в продолжение тех нескольких секунд, которые длится сон, там можно забраться достаточно далеко? А следы в нем остаются, в этом пространстве?

– Послушайте! Мы же сказали вам: забудьте все, чего вы там начитались. И относительно секунд тоже. Это, знаете ли, от безделья рукоделье...

– Прояснили, нечего сказать, – обиженно буркнул генерал. – А если конкретнее? Занимаетесь толкованием снов, что ли? Тогда нас зря обнадежили. А вовремя разбудить человека вы умеете?

– Порой это бывает непросто, – осторожно кашлянув, проговорил Пещерный Лев.

– А все непросто, черт побери! Речь, как вы уже знаете, идет о Грузде.

– Наслышаны, – пробормотал Корявый Дуб.

(К нему я всегда относился – и сейчас тоже – с огромным уважением. Возрастом он старше всех в Институте, а может быть – и во всей Системе ОПС; ходит уже с большим трудом, кажется, вот-вот рассыплется. Но мысль его работает прекрасно, и он очень любит уходить на задания в Пространство Сна: ведь там тело, какими бы немощами оно ни страдало, не отягощает нас, все зависит от силы духа, а она не связана с возрастом прямой зависимостью. Но его выпускают не очень часто: только если предстоит что-то уж очень важное. Не из боязни, что он там подведет; ни в коем случае. Но опасаются того, что его тело, уложенное в сон, перестанет жить в то время, как он будет находиться в ПС, и Институт более не сможет постоянно пользоваться его советами, как делается это сейчас.)

– Наслышаны, – словно отразил это слово генерал. – А насколько вы в курсе того, что этот человек значит для всех: для науки, для России, для всего мира в конечном итоге?

Мы переглянулись. По нашим делам в ПС Груздь – профессор Груздь, как его обычно именовали газеты и телекомментаторы, – не проходил, и у нас было слишком мало времени и слишком много забот, чтобы отвлекаться на дела, по нашему мнению, посторонние. Так что Тигр Подземелья только покачал головой.

– Жаль, – проронил Асунин не весьма одобрительно. – Вы, как-никак, тоже ученые... (это «тоже» он произнес с легчайшим призывом презрения). Должны бы слышать. Ну, ладно.

Он еще удобнее устроился в кресле.

– Вы, возможно, все же в курсе того, что он – физик. В равной мере теоретик и прикладник, что в наши дни узкой специализации встречается отнюдь не часто. Его направление – развитие компьютерной техники...

(Вот так, Остров: компьютерной, а вовсе не автомобильной! Ну и память у тебя стала – решето, и только...)

– ...что, как вы наверняка понимаете, является основным вектором развития технического прогресса в нашу эпоху...

(«Интересно, – подумал я, – он всегда объясняется таким образом, или сейчас пытается подстроиться под свойственную нам – по его мнению – манеру?»)

– Груздь направляет работу целой группы научно-исследовательских институтов, один из которых является головным. И именно там под его руководством и при его непосредственном участии вот уже два с лишним года ведется работа по реализации его идеи. Дело близится к завершению, и в случае благополучного окончания позволит – выделяю лишь один пакет последствий – позволит нашей стране, России, совершить не шаг, а прямо-таки прыжок вперед – и в политическом, и в экономическом, и во многих других направлениях. Я бы с большим удовольствием изложил вам суть дела подробно и, смею надеяться, достаточно квалифицированно, – я тоже физик, хотя некоторое время тому назад отошел от этой деятельности, – но на такую откровенность я просто не имею права. Это вовсе не значит, что я не полагаюсь на вашу скромность; тема просто закрыта даже для большинства наших сотрудников.

Генерал остановился, чтобы передохнуть, и этой паузой воспользовался Жокей Мысли:

– Скажите, Петр Никитич... Эта работа имеет отношение к военному ведомству?

На лице генерала обозначилась легкая улыбка.

– Трудно ответить однозначно. Сама по себе идея не штатская и не военная – научная. Но вы прекрасно понимаете, что практически любая идея может быть использована и в той, и в другой плоскости. Физика, химия, биология – не военные науки, как, скажем, тактика или стратегия, или, может быть, баллистика; но вы знаете, что все они могут использоваться – и используются или использовались – в целях обороны. То же можно сказать и об идеях Груздя. Во всяком случае, это не какое-то новое сверхоружие. Это следующий этап, это завтрашний день развития компьютерной техники: на порядки уменьшаются вес и энергоемкость, отсутствует то, что мы называем клавиатурой – команды снимаются с вашего биоизлучения, а монитор возникает перед вами буквально из ничего, он не является вещественным в нашем понимании, он реализуется скорее внутри вас, чем перед вами, максимум того, что потребуется, – пара очков; не тех, разумеется, что вы покупаете в аптеке. И память: мировая годовичная информация в объеме кубика сахара. Вся система не требует кейса; размером она соответствует примерно карманным часам, которые еще недавно снова были в моде. Энергия – одна батарейка, какую вы вставляете в наручные часы, ее хватает на месяц.

Кажется, генералу удалось произвести на аудиторию сильное впечатление.

– Интересно, – пробормотал так, чтобы быть услышанным, Висячий Замок, в прошлом тоже физик. – Что же это за принцип? Это должно быть что-то совершенно новое...

Асунин кивнул:

– Несомненно. Настолько новое, что нигде больше – нигде в мире – таких работ сегодня не ведется – пока еще не ведется, в этом вам придется мне поверить на слово.

Он был, как я понимал, не из Внешней разведки; тем не менее я ему почему-то поверил.

– А сказанное, – продолжал генерал, – означает, что все, кого подобная проблематика может интересовать, приложат – и уже прилагают, надо думать, все усилия для того, чтобы максимально войти в курс дела, а при малейшей возможности и перехватить у нас инициативу. Вы ведь понимаете: тот, кто овладевает этой идеей, на неопределенно продолжительное время захватывает мировой рынок.

Похоже, на сей счет ни у кого из нас не возникло сомнений.

– И вот мы пришли к вам, чтобы спросить: по вашему мнению, если человек, так сказать, необычно исчез – не может ли это привести к нежелательным последствиям – в плане моего доклада?

И в этом тоже у нас разногласий не было. Так что Тигр выразил общую мысль, когда сказал:

– Безусловно, может.

– Вот почему мы просим вашей... вашего сотрудничества.

Привычно поскребя пятерней лысый затылок, Тигр Подземелья проговорил:

– Ах, вот как. Исчезнуть всерьез в дни самых горячих дел, поездок, встреч, обещаний, переговоров, компромиссов, хитрых ходов, о которых акционеры новой компании, как правило, ничего не знают, но без чего создание ни одной фирмы, даже и меньшего масштаба, не обходится, – да, это действительно выглядит серьезным делом. Однако не имеющим к нашему Институту ровно никакого отношения. Мы не занимались ни политикой, ни экономикой. Наукой, только наукой.

Генерал изобразил улыбку и возразил:

– Разве? В таком случае, ошиблись наши сотрудники, докладывавшие мне, что вы, кроме чистой науки, занимаетесь и операциями предупреждения – назовем их так, и получением различной современной информации – не исторической и не футурологической. Я не прав?

Я подумал, что он нашел очень изящный эвфемизм для слова «шпионаж». Но тут генерал был и в самом деле не прав: этим мы не занимались, поскольку никто еще не успел нам этого предложить. Асунин же, не дожидаясь ответа, продолжал:

– Пока что из этого факта не возникло ни сенсации, ни паники; но счет идет буквально на дни. А между тем – приоткрою тайну – вы были совершенно правы: уже подписаны некоторые протоколы, идет обсуждение условий нескольких сделок, по сути – экспансия на мировой рынок уже начата, готова к регистрации компания, недавно возникшая, которая будет заниматься всеми этими делами. Мы ведь до последних дней были совершенно уверены в благополучном исходе, и все говорило об этом. Но сейчас... Не то, что провал, но даже малейшая заминка приведет к срыву всей, так сказать, операции. Мы откатимся на исходные; а тут время играет решающую роль: не сделаем мы сегодня – завтра то же самое сделают другие. Тем более что уже закуплено оборудование, уже идет монтаж, и то, что мы называем Головным институтом Груздя, на самом деле является первым заводом, который будет выпускать такую продукцию.

На этот раз паузу он держал почти полминуты. Потом Пещерный Лев спросил:

– Однако, насколько можно судить по информации, с Груздем не произошло ничего особенного? Вы сказали – он исчез. Но в таком случае при чем тут мы? Исчез – ищите с милицией...

– По-моему, речь не идет об исчезновении, а просто – он захворал. Легкое простудное заболевание, – я тут же воспользовался случаем, чтобы вставить словечко. – Слышал краем уха. По радио.

– Это манная каша для массовой информации, – пробормотал Висячий Замок. – Как всегда.

– Вот именно, – подтвердил генерал. – На самом деле он исчез. И, судя по всему, всерьез – и не совсем естественным путем. Сейчас поясню. Истинная картина такова. После нормального дня Груздь лег спать у себя на даче. И вечером, и ночью, и утром все было – по всем признакам – в полном порядке. В полнейшем. Не установлено ни единого постороннего лица в радиусе безопасности. Уровень излучений, полей, состав воздуха, пища – все замерялось и проверялось непрерывно, как полагается. Там, конечно, есть всякое... но ничего такого, что имело бы значение для данного эпизода. Ни единой аномалии. Но его нет. Только тело. Вы уже поняли, я полагаю? Он уснул – и вот уже трое суток не просыпается.

– Как вы, собственно, узнали об этом?

– Н-ну... Я предпочел бы...

Секреты, секреты... Вечные секреты даже от своих. Тьфу.

– Когда это случилось? – спросил я.

– Объявили лишь на третьи сутки. То есть сегодня ранним утром.

– Как мыслят специалисты? Медики, не ваши.

– Глубокая летаргия.

– А предпосылки были?

– Никаких.

– Где сейчас тело?

– В клинике, какая ему полагается. Сперва там, на даче, медики решили, что он просто переутомился, пусть, мол, отоспится. И только на вторые сутки забеспокоились. Стали пытаться разбудить – но без всякого результата. Тогда обратились к нам.

– Ну и слава Спящему, – пробормотал Борич. – Не то добудились бы и до необратимого результата.

– Анализ охраны и всех прикосновенных к делу лиц? – поинтересовался Пещерный Лев.

– Ну, что касается государственных служб и методов, – ответил генерал, – то, могу заверить, все сделано по высшему уровню. Дело в другом. По вашему мнению, по имеющемуся опыту, – там, в этом самом пространстве, может быть применено к... находящемуся там... Не знаю, как принято у вас их называть... к нему может быть применено насилие? Его можно, например, похитить?

– То есть, – медленно, как бы ощупывая каждое слово, проговорил Висячий Замок, – вы предполагаете, что его могли похитить?

– Учитываем такую возможность. В свете уже сказанного. Может?

– Применено насилие? – повторил Тигр. – Да. Может. Вплоть до убийства.

Казалось, этому генерал удивился:

– Но ведь он же, по сути, в это время находится здесь. И поверьте мне, он очень тщательно охраняется. Настолько тщательно, что к нему не может быть допущен даже ни один из вас. Не обижайтесь, но...

– Здесь вы охраняете тело, – поправил генерала Жокей Мысли. – И если его уничтожить, то дух лишится возможности вернуться в свою плоть, значительно усложнится связь с ним – но там, в Пространстве Сна, он будет по-прежнему существовать. Но если его убивают там...

– Разве дух можно убить? Хотя...

– Ну, тут есть некоторая путаница терминологии. В нашем понимании убийство – это резкое снижение энергетики духа, при котором он больше не может проявлять активности в том уровне, в котором находился, и перебрасывается в другой – весьма отдаленный. Возможность самостоятельно восстановить энергетический уровень практически равна нулю, хотя при активной помощи со стороны это реально. Если такое воздействие повторяется, человека забрасывает еще дальше. И наконец, после третьего он попадает в место, где восстановление энергетики вообще невозможно, и там начинается его медленное рассеяние. Правда, опять-таки не во всех случаях. Вообще в Пространстве Сна нет неизблемых законов – они так же изменчивы, как само Пространство, а точнее – в каждом континууме действуют свои правила существования, континуумов же, макроконов, как мы говорим, – бесконечное множество. Внешне же, поскольку любой дух сохраняет при желании свой облик, хотя может и заменить его на какой-либо другой, – внешне убийство там выглядит точно так же, как здесь. Но позвольте мне закончить объяснение. Если дух убивают там, то тело – здесь – впадает в кому, в которой и остается вплоть до своей биологической смерти.

– Впадает в кому – но не в летаргию?

– Нет. В летаргию впасть – то есть надолго задержаться в Пространстве Сна – человек может и по своей воле. Кстати, я советую вам не отказываться и от такой гипотезы. Не похищение, а уход, так сказать, из мира.

– Думаете, подобное возможно?

– Неужели непонятно? – вдруг, неожиданно для самого себя, разозлился я. – Пусть исчезновение. Но какого рода? Если человек оказался в такой вот отлучке, это еще вовсе не значит, что кто-то проявил злой умысел. Груздь мог просто задержаться по собственному усмотрению, для этого всегда может найтись миллион причин. Особенно при той сверхнапряженной жизни, которой он, по всей вероятности, жил. У нас ведь, как все тут знают, время ведет себя совершенно иначе – когда оно вообще существует. То есть для меня здесь видны разные варианты: уход по каким-то собственным мотивам – или похищение. Действовать предстоит в зависимости от того, какой вариант выбрать. Но, простите, ни в какое похищение я просто-напросто не верю. Если бы его умыкнули здесь, в яви – да, разумеется, можно найти сотни и поводов, и методов, и исполнителей... Но – там, у нас? Простите, а кто, собственно, будет его там похищать? Наши научные оппоненты? Но им на Груздя наплевать, всем известно, что наши с ними интересы пересекаются лишь в теории реализации мозаики снов в масштабе всего Центра ПС. Кто-то другой? Но до сих пор считалось, что наша Система – единственная, не только имеющая возможность оперировать в Пространстве Сна, но и вообще знающая о его значении и структуре. До сегодняшнего дня наша монополия не подвергалась никакому сомнению, разве не так?

– Так, – согласился Тигр в то время, как генерал молчал и только покачивал головой из стороны в сторону. – Однако если Служба выдвигает гипотезу о похищении, то, вероятно, у нее есть какие-то основания для этого.

– Ну, если говорить о похищении, – сказал я, – то одно из двух: либо возникла параллельная, не наша система, обладающая сравнимыми возможностями, но, не исключено, ставящая перед собой другие цели, руководствующаяся иной этикой, – либо это личный эксцесс одного человека или нескольких людей, принадлежащих к нашей собственной Системе. Но если так – неужели мы не можем сразу установить, кто бы это мог быть? Куда проще и быстрее, чем розыскная операция в ПС... Объясните мне, пожалуйста. Допускаю, что я чего-то не понял – вероятно, сказывается усталость... Но лично я все же считаю, что все происходящее – инициатива самого Груздя. Нагрузка на него в последние месяцы была невероятной – и судя не только по газетам и телевидению. Естественно, что у человека могла возникнуть потребность в расслаблении, глубоком отдыхе перед решающим броском в его научной и промышленной кампании. Вот он и ушел глубоко в ПС. А поскольку нашими методиками Груздь не владеет – ничего удивительного в том, что он не смог возвратиться своевременно. Заблудился во сне – такое бывает. Однако это еще не трагедия. И вряд ли он будет обрадован, если мы станем насильно вытаскивать его из милого сна. Ни обрадован, ни благодарен. Не знаю, как вы, а я никак не хотел бы портить с ним отношения. Согласны?

Консилиум помолчал.

– Может быть, – осторожно проговорил затем генерал Асунин, – дрим-драйвер Остров действительно переутомлен?

– Ерунда, – сказал Тигр Подземелья. – Вы просто не очень хорошо знакомы с его манерой поведения. Устал? А кто из нас не устал? Все до единого, хоть закрывай контору. Просто он обожает сомневаться и спорить. Но попробуйте сейчас отстранить его от любой операции – и я не смогу отвечать за вашу личную безопасность: он, открою вам секрет, обожает подражаться.

Тигр перевел взгляд на меня.

– Естественно, дрим-драйвер Остров волнуется – как волнуемся все мы. Это ведь легко сказать: розыскная операция! Нашему Бюро до сих пор ничем подобным заниматься не приходилось! Да, мы вели поиски многих лиц, прежде всего исторических личностей, в Простран-

стве Сна – для получения от них интересовавших нас данных. Но это была чисто научная деятельность, и нам в этих поисках никто в ПС не препятствовал. Они были безопасны для дримера. На этот раз дело обстоит иначе: если это действительно похищение, то совершено оно по политическим мотивам, а где политика – там и опасность, и кровь, и мало ли еще что...

Тигр просто обожает повторять общеизвестные истины.

Деликатно кашлянув, в разговор вступил Пещерный Лев:

– Вы все прекрасно поняли, Остров, и все чудесно сформулировали. Но если вникнете в подробности, то поймете, что больше всего это действительно похоже именно на похищение. И неплохо подготовленное. Что же касается предполагаемого действующего лица – я не очень-то верю в возможность возникновения неизвестной нам параллельной организации. Будь мы только земной Системой – тогда еще туда-сюда, но в масштабах даже не метагалактических, а воистину всеобъемлющих – невозможно.

– Ну, – не согласился с ним Жокей Мысли, – с нашей Системой дело обстоит так же, как с ядерным вооружением: если оно распространяется слишком широко, то стремительно растут и возможности его преступного использования, не так ли?

Представители СБ дали ясно понять, что не считают подобную гипотезу необоснованной. Генерал, однако, повернул тему иначе:

– Я вот что хочу сказать... Если у вашего сотрудника, – он полупоклоном указал в мою сторону, – имеются сомнения, а может быть, ему недостает и оперативного опыта...

– Простите, но... – попытался перебить его Тигр.

– Я хотел бы закончить. В таком случае, мы можем дать своего человека – или даже не одного; вы в ускоренном порядке обучите их тому, что требуется в вашей работе там, а ваши работники будут на связи, вообще будут помогать...

По лицам наших Мастеров пробежали улыбки; генерал явно не имел ни малейшего представления о том, какие требования к исполнителю предъявляет наша работа: физические, психические, а кроме того, и специфические, еще не получившие научного названия. Мы про себя называем их чувством сна.

– Генерал, – сказал в ответ Тигр, – мы уже немножко устали, а вопрос очень серьезен. Может быть, сделаем небольшой перерыв – а заодно и покажем вам кое-какие кусочки относительно пребывания и работы в Пространстве Сна?

– Только ненадолго, – предупредил Асунин.

– Буквально на несколько минут.

Отодвинув кресла, все принялись вставать и потянулись к выходу, где охрана генерала, похоже, уже стала скучать.

В просмотровой

– В просмотровую? – предложил Тигр Подземелья.

В просмотровой можно было и поднять настроение гостей, и сильно его испортить – в зависимости от того, на что попадешь. Однако Тигр, вернее всего, успел заказать программу, но так, чтобы она не выглядела праздничным угощением – и не показывала ничего такого, что нам не хотелось бы обнаружить. Как, например, осечку Веника с Туннелем Узла.

– Будь по-вашему, вы здесь хозяин, – вежливо ответил генерал.

Мы миновали несколько дверей и вошли, постучавшись разве что из вежливости и не дожидаясь ответа, хотя над входом горело табло: «Идет просмотр». Такие двери, как эта, и Борич, и тем более я могли открывать ногой, а уж перед Мастерами им следовало распаиваться самим. Так что возникшее было нам навстречу сердитое «Кого там черт...» сразу же оборвалось, и больше нам не сказали ни слова. Мы уселись в ближайшие к выходу кресла.

Было не очень светло – свет шел только из демонстрационной ниши. По сути дела, то была просто половина комнаты, весьма условно обозначенная: посторонних тут не было и быть не могло, а из профессионалов никому не пришло бы в голову переступить через границу между зрительской и демонстрационной площадками. Строго говоря, второй половины сейчас не было – ее заменял подъезд, широкая, полукруглая лестничная клетка, от которой изогнутый, плавный лестничный марш уходил вверх; второй же, короткий – вниз, видимо, к выходу на улицу или во двор. Я насторожился: подъезд показался мне знакомым, и возникший в нем человек – тоже. Не сразу прорезалось понимание, что это – я сам, собственной персоной. В той половине я был в демисезонном пальто и, войдя, на миг остановился, словно решая, по какой из лестниц направиться. В следующее мгновение за моей спиной послышались шаги, гулко отдававшиеся, как, впрочем, полагалось в таком помещении. Не сверху и не снизу, а откуда-то сбоку вышли три женщины, две прошли мимо, словно и не заметив меня, третья же подошла вплотную и остановилась лицом к лицу со мной. Мы обнялись и рухнули на серо-голубой плиточный пол – сухой и чистый, к счастью. Взлетели полы пальто – ее и моего. Мы торопливо совокупились – как-то очень быстро, как вряд ли бывает наяву. Вскочили. После этого настал, казалось, миг замешательства; там, на той половине, не здесь, где я сейчас с интересом наблюдал за своими действиями. Зрители были выдержанными: никаких комментариев к увиденному не прозвучало, все знали, что в ПС еще и не то приходится делать и видеть.

Теперь я уже целиком вспомнил этот эпизод из недавней ходки (хотя раньше мне не было известно, что он вошел в учебный материал), и был спокоен, зная, что увижу дальше. Я – там – сделал шаг и другой вправо и спокойно опустился в кресло – у борта, возле иллюминатора. Два места рядом были заняты, табло не горели – самолет шел на восьмикилометровой высоте, но впереди и внизу все более четким становился силуэт Нью-Йорка. Табло вспыхнули, я пристегнулся, высунул руку в иллюминатор и попрощался с сыном, летевшим рядом – просто так, в воздухе. Он улыбнулся мне. «Счастливо, Тема», – сказал я, и он плавно отделился. Конец. Сейчас впереди и в самом деле оказалась лишь демонстрационная ниша. Такие демонстрации обычно проводятся, чтобы проверить качество записи, заметить и проанализировать удачу и ошибки дрим-опера, в данном случае – мои удачи, ошибок на этот раз не было. В просмотровой зажегся неяркий свет. Оказалось, что народу набилось довольно много. «Вот классический пример, – проговорил кто-то впереди, по голосу я узнал Сизого, – как дример использует комплекс приемов, чтобы выйти из того, что мы называем «семейным кругом». Вы, кадеты, наверняка уже слышали этот термин, но еще толком не знаете, что он означает. Все очень просто. (Сизого хлебом не корми – дай только назидательно пообъяснять что-нибудь лопухой молодежи, которую мы потихоньку набираем в разных специализированных институтах и понемногу обращаем в свою веру.) Семейный круг – это та часть Пространства Сна,

куда мы попадаем произвольно сразу после выхода из Производного Мира. Там вы встречаетесь, в основном, с теми же людьми, с которыми общаетесь и здесь, в яви, и там происходят варианты событий, имевших место тут – то есть уже отсортированных и прошедших реализацию. Это, может быть, и представляет интерес для каждого из вас – однако самостоятельной ценности не имеет, поскольку вы не получаете никакой новой информации и никак не воздействуете на процесс селекции и реализации эпизодов, то есть переноса их сюда, в Производный Мир, еще до того, как эпизоды эти произошли, и именно для того, чтобы они произошли. Я понятно объясняю?.. Для того, чтобы получить возможность такого влияния, дример должен прежде всего выйти из семейного круга. Это бывает затруднительно – потому что ощущается сопротивление тех, кого мы, опять-таки на нашей жаргонной терминологии, именуем оппонентами...» – Сизый сделал паузу, чтобы вдохнуть побольше воздуха для следующей тирады; кто-то из кадетов воспользовался этим, чтобы спросить: «Кто такие – оппоненты?» – «Хотел бы я это знать, – ответил Сизый, – да и все мы хотели бы. Но, к сожалению, пока это остается невыясненным, мы еще не так хорошо ориентируемся в Пространстве Сна, не забудьте, что не прошло и десяти лет с тех пор, как мы активно вышли туда; о чем-то мы догадываемся, что-то предполагаем – в частности, и относительно сущности оппонентов, однако пока ясно лишь, что они являются, так сказать, одним из факторов стабильности Пространства Сна; для удобства мы говорим о них так, как если бы они были людьми, но существа ли они, или явления – нам пока неизвестно. Однако мы несомненно испытываем их влияние на нас и наши действия, когда реализуем в Пространстве Сна наши собственные планы – то есть плывем, не подчиняясь течению. И вот тут вы видели, как этот некий оппонент пытается перехватить инициативу, повести дримера по невыгодной линии, что могло бы закончиться срывом задания; прошу обратить внимание на противодействия драйвера: взятый в первый момент на сильный прием – вы знаете, что приемы с привлечением секса всегда сильно действуют, – наш дример нашел удачный выход из положения, переведя действие в совершенно иную сферу, обеспечив себе сильную моральную поддержку – но тем не менее не покидая плоскости, в которой проводилась операция, что позволило не терять времени на поиски возврата. Запоминайте, молодежь». Сизый почти все изложил правильно, я только не понимал, откуда он успел узнать, что я уже дрим-драйвер, поскольку и сам услышал это лишь час назад. «Ну, это не только его заслуга, – возразил другой голос, незнакомый – кто-то из молодых, наверное. – Условия для перевода действия были скоординированы отсюда, я полагаю?» – «Вы забыли, – возразил Сизый все так же наставительно, – что помощь извне может быть предоставлена только по заказу оператора, и лишь в таком виде, в каком она заказывается. В противном случае – если бы вместо самолета ему дали, допустим, заседание Генеральной Ассамблеи ООН, он мог бы растеряться, и тогда оппонент окончательно перехватил бы инициативу – поскольку в той обстановке чувствовал бы себя намного увереннее. А тут – вы заметили, надеюсь, – смена миниконтинуумов произошла так стремительно и с таким сдвигом по времени – хотя этого вы могли и не оценить, для оценки времен нужен немалый практический опыт, теория тут годится разве для того, чтобы ею... – он на мгновение запнулся, но тут же нашел безобидное продолжение, – чтобы ею мух отгонять. Да, сдвиг по времени: оппонент, видимо, ожидал иной реакции и рванулся в другую сферу так стремительно, что мы даже не успели засесть – в какую. – Тут Сизый чуть повернул голову. – Остров, я прав?» Меня не удивило, что он ощутил мое присутствие, даже не глянув в эту сторону. «Думаю, так оно примерно и было, – ответил я, – только не надо представлять это, как некий итог обдуманных действий во внезапно возникшей ситуации. Просто противник воспользовался неопровержимым рефлексом – думаю, ребята помнят, что это такое, – а мое действие и запрос сюда произошли на интуитивном уровне. Можно сказать и по-другому: сработал опыт». – «Остров, – спросил женский голос, – а любимой женщине ты решился бы показать эту запись?» – «Это была не она, – все-таки ответил я, хотя первой мыслью было – обругать тетку – нет, скорее, наверное, девицу – за бестактность: у каждого из наших профессионалов

личная жизнь складывается, в основном, из осложнений. – Иначе – не знаю, как сработало бы подсознание». – «Интересно, – в голосе женщины чувствовалось жадное любопытство, – а если бы на месте той женщины была бы, допустим, я? Вы отважились бы?..» – «Да, – ответил я. – Естественно. Но я просил бы отойти от этой темы». – «Извините», – откликнулась она с усмешкой в голосе. Я из принципа не стал поворачиваться, чтобы разглядеть ее. «Пошли, – сказал уже Борич, – время». Мы встали и вышли, на шаг опережая и хозяев, и визитеров.

Контракт

В зале снова расселись по местам, и генерал проговорил:

– Это было интересно. Но... не слишком ли откровенно?

– Бывает всяко. Люди везде остаются людьми – с их силой и слабостью.

Я так и думал, что Тигр не обойдется без ежедневной сентенции.

– Значит, вы называете это людьми... – пробормотал генерал.

– Мы называем их людьми. Они – это и все мы, и вы, и он... Разве кто-то из нас не оправдывает этого имени? Спать – свойственно каждому. Но, может быть, продолжим собеседование?

Последний вопрос явно не требовал ответа, и разговор сам собой вернулся в первоначальное русло, когда Корявый Дуб не без сарказма спросил:

– Если все уже раскрыто – что же, без Груздя и машины останятся? Главное ведь он сделал?

Генерал ответил не сразу:

– Если вы едете в автобусе по серпантину, какая разница, когда ваш шофер потеряет сознание: в начале дороги или в конце? Результат будет тот же. Чтобы это колесо как следует раскрутилось, его еще придется толкать и толкать. Вам ведь наверняка не хуже моего известно, что такое – процесс освоения?

Ответом был всеобщий вздох.

На этом можно было бы и закончить. Но генерал, видимо, полагал, что его научный кругозор расширен еще недостаточно.

– Ладно, пока что печать и все прочие как будто бы удовлетворились объяснением: легкая простуда, через три дня профессор будет здоров, как огурчик. На самом же деле... Я там поинтересовался: летаргический сон может, оказывается, продолжаться месяцами... Может?

– Летаргия, конечно, не кома, – ответил Жокей Мысли. – Мы ведь уже говорили об этом полчаса назад. Но затянуться она может. Однако, может быть, достаточно теории на сегодня? Все, что от вас требуется – это сделать выбор: или вы полагаетесь на нас – и тогда не лезете в наши кастрюли, занимаетесь своими делами и ждете от нас результатов. При этом вам придется предварительно перечислить нам те суммы, которые мы собираемся с вас получить: средства нам нужны, на свое существование мы зарабатываем сами. Либо же, если это вас не устраивает, прекратим разговор и забудем о нем: у нас и без того достаточно большая нагрузка. Итак?

Генерал Асунин думал недолго.

– Похоже, нам придется пойти на ваши условия, – проронил он не очень веселым тоном. – Кстати, деньги, которые вам, наверное, понадобятся для проведения операции, вы получите. Вы ведь доплачиваете вашим сотрудникам за пребывание в... э-э... во сне?

Я хотел было сказать, что это не доплата, а насмешка – если учитывать нынешние цены, а также постоянно растущие потребности. Однако решил на всякий случай промолчать. И так уже каждое мое выступление встречалось здесь как-то очень нервозно.

– Деньги – это, конечно, хорошо, – буркнул Тигр.

– Но информировать нас о ходе операции, – продолжал Асунин, – будете регулярно, а о серьезных событиях – немедленно. У вас есть три дня. И Груздь нужен нам живым, здоровеньким и даже без телесных повреждений. Вы можете это гарантировать?

– А вы всегда гарантируете успех? – парировал его настырность Корявый Дуб. – На моей памяти бывали случаи, когда...

Такой поворот, похоже, пришелся не по вкусу генералу.

– Я имел в виду – гарантии того, что вы сделаете все возможное.

– С этим мы, вероятно, согласимся, – сказал Тигр Подземелья, просканировав взглядом всех участников нашего совещания. – Но лишь в том случае, если ваше предложение вообще будет принято.

Асунин воспринял эту существенную оговорку совершенно спокойно. Спросил лишь:

– А есть причины, по которым вы могли бы отказаться?

– Вам наверняка известно, – ответил Тигр, – что мы являемся лишь подразделением интернациональной, или, скажем так, наднациональной системы. Системы ОПС.

Похоже, для генерала это не явилось новостью. Он сказал:

– Мы тоже – в определенных пределах. Однако защищаем в первую очередь интересы России, а следовательно – решаем наши сугубо внутренние дела, не вынося их на всеобщее обсуждение.

– Мы находимся в несколько ином положении, – возразил Жокей Мысли. – Хотя бы потому, что работаем в общем пространстве – в ПС, как вы понимаете, нет национальных границ – и, чтобы ненароком не нарушить чужих интересов, нам приходится достаточно подробно информировать зарубежных коллег.

– Полагаю, что вы не совсем правы, – заметил Асунин спокойно. – Если пространство интернационально, как, например, океанские воды за прибрежной зоной, то вы ни при каких условиях не нарушаете ничьих границ и единственное, что должны соблюдать – нести флаг своей страны и выполнять правила расхождения при встрече с другим судном. Думаю, что и в нашем случае этого вполне достаточно.

– Из вашей информации мы поняли две вещи, – проронил неуступчивый Тигр. – Во-первых, что предмет этого разговора не должен стать темой обсуждения с нашими коллегами...

– Это очень существенно нарушило бы интересы государства.

– Совершенно верно. Но во-вторых – это уже наше развитие вопроса – мы не можем нарушать сумму условий... назовем ее Кодексом ОПС, такой и на самом деле существует, – потому что в противном случае наша деятельность будет в дальнейшем сильно затруднена, а может быть, станет и вообще невозможной. Не говоря уже о том, что мы лишимся возможности пользоваться в Пространстве Сна услугами коллег из других бюро и тем самым затрудним себе задачу настолько, что она вообще может оказаться нерешаемой. Поэтому нам нужно – учитывая, что мы ведь по природе своей все-таки не розыскная организация, хотя определенное сходство, конечно, есть, – нам нужно хотя бы прикинуть, по силам ли задача нам одним, какие тактические приемы могут позволить решить ее – если такие вообще имеются, ну, и тому подобное.

Генерал слегка пожал плечами:

– Надеюсь, что вы, по крайней мере, не промедлите с этим.

– Нам предстоит через несколько минут продолжить совещание, но уже с участием легатов – постоянных представителей некоторых других бюро. Не беспокойтесь, они присутствуют в России вполне официально.

Асунин кивнул. Это было ему известно.

– И у нас остается очень мало времени, чтобы решить – каким образом и в какой степени мы их проинформируем, чтобы не причинить ущерба России, но и не испортить наших отношений.

– Ну что же, – произнес генерал без особой радости в голосе, – рассчитываю на ваш патриотизм... и благоразумие. Или, может быть, мне следовало сказать – хитроумие?

– Думаю, у вас есть все основания верить нам. О результатах нашего совещания сообщим вам сразу же.

– На связи с вами будет капитан. – Генерал повел рукой в сторону своего спутника.

Названный, вернее – лишь обозначенный, привстал и деликатно кашлянул.

– Прекрасно. Как нас найти, вы знаете. В таком случае, генерал, пожелайте нам удачи, как мы желаем вам.

– Взаимно, – ответил генерал, и гости одновременно поднялись, бесшумно отодвинув стулья.

Теперь в зале остались только свои.

Напутствия

То, что я видел и слышал, мне не очень понравилось. Однако я решил обождать с выступлением, пока Тигр не внесет ясности. Он, похоже, как раз собирался сделать это: подергал себя за кончики усов и громко откашлялся.

– Обстоятельство, заставившее нас безотлагательно вызвать вас обоих для участия в Консилиуме, чего мы обычно не делаем, – начал Тигр, переводя взгляд с одного из нас на другого и обратно, – заключается в том, что, как вы уже могли понять тут, мы оказались в достаточно сложном и деликатном положении. Просто отказать СБ было бы крайне неразумным и неосторожным, а кроме того, и непатриотичным шагом.

Тут он сделал паузу.

– В случае, если мы выполним обращенную к нам просьбу, – продолжал он, – целиком приняв выдвинутые условия, нам придется разыскивать Груздя, полагаясь только на собственные силы, мало того – мы будем вынуждены скрывать от коллег в СБ истинную цель наших действий. А выполнять работу – повторяю, если мы согласимся – придется именно вам. Поэтому для нас важно ваше мнение.

– Надо подумать, – сказал Борич неторопливо. – Мы знаем ребят, которые работают в ПС от других бюро. Они не дураки, и если и не сразу дознаются до смысла нашей операции, то, во всяком случае, быстро сообразят, что мы темним. Так что...

– Мы не сыщики и уж никак не политики. Делать то, на что нас подбивают, и так, как нам советуют, значит – внести в Пространство Сна тот же дух политиканства, который не знаю, как вам, а мне уже тут, в Производном Мире, осточертел. Просто противно – вот что я могу сказать.

Так я высказался – не дожидаясь, пока меня спросят. Ждал, что оборвут. Этого, однако, не произошло.

– Несомненно, – согласился Тигр. – Это не наша область. Но мы все-таки живем и действуем в конкретном государстве, обществе...

– Которое о нас очень мало знает, и во всяком случае, нам не платит, – снова нахально вмешался я; здравый смысл подсказывал, что в моих услугах нуждаются – а значит, легкая наглость сойдет с рук. Так оно и получилось.

– Дрим-драйвер Остров, прошу вас проявить выдержку, – вот и все, что сказал в ответ на мой выпад Тигр Подземелья. – Я и без вашего вмешательства намереваюсь учесть все эти обстоятельства.

– Пора бы уже, – не удержался я. – Не то тут черт знает что делается. Посторонние на Консилиуме! Может, мы скоро на базаре начнем обсуждать наши проблемы?..

– Да заткнись ты, – проворчал Борич, – или выпей валерьянки.

Я хотел было намекнуть, что валерьянка не входит в число моих любимых напитков, но решил, что для разнообразия можно какое-то время помолчать.

– Как всем нам известно, – продолжал Тигр, глянув на меня без особой симпатии, – до сих пор считалось, что наша Система, не входящая в государственные рамки, но являющаяся, как сказано в Кодексе, транснациональной, находится вне поля зрения СБ – и всех других подобных организаций. Их обращение показало, что наши предположения не соответствуют действительности. О нас знают. Хотя далеко не все, разумеется. Но это даже хуже.

– Слава всегда приятна, – проворчал я, но не очень громко.

– Разговор с генералом Асуниным был выдержан, как вы могли видеть и слышать сами, в рамках крайней доброжелательности; думаю, что я могу определить его именно так. Нас не пытались заставить, нас просили, и очень уважительно. Просили оказать всю возможную помощь в деле возвращения господина Груздя к активной деятельности в кратчайший

срок. Нам объяснили, что последствия нашего отказа могут оказаться весьма печальными для страны, для всего мира; о том, каковы они будут для нас, прямо не заявлялось, потому что это слишком походило бы на угрозу. Обращались к нашему патриотизму, а также – это происходило наверху, до вашего прихода, – недвусмысленно намекалось на то, что в случае удачного сотрудничества многие проблемы, волнующие сейчас Институт, можно будет решить быстро и с немалой для нас выгодой.

– Значит ли это, – настороженно спросил Борич, – что нам предстоит сделаться одним из подразделений Службы?

– О нет, ни в коем случае. Я уверен, что речь идет о равном партнерстве именно в этой конкретной операции. Ни о чем более.

– И вы верите этому?

– Я бы сказал, – проговорил Тигр, – что я вынужден поверить. Потому что, как всегда в подобных обстоятельствах, будут ли выполнены добрые обещания – неизвестно, но если не станут выполняться недобрые, это уже само по себе даст выигрыш.

– В какой степени вы намерены информировать легатов? – поинтересовался Борич.

– Н-ну... процентов на пятьдесят. Я не стану скрывать того, что мы предпринимаем новую операцию – хотя бы потому, что там, в ПС, бывает весьма трудно укрыться от постороннего глаза, не так ли, Остров?

Я кивнул:

– Это как повезет.

– Однако, – продолжал Тигр, – я не собираюсь докладывать им о наших контактах со Службой. Как нас и просили в вашем присутствии.

– Надеюсь, что они поверят, – проговорил Борич.

– Ну вот. Теперь обстановка вам ясна, – завершил свое выступление Тигр Подземелья. И, мне показалось, облегченно вздохнул. – Тогда я могу перейти к вещам более конкретным. Остров, слушайте внимательно, потому что если что-то пропустите, потом сможете горько пожалеть. Вы ведь понимаете, что мы не случайно пригласили именно вас...

– Конечно, – сказал я. – Вы пригласили меня потому, что горячо меня любите и желаете мне всего наилучшего.

Дискуссия

Однако к этому времени у меня уже успел созреть свой вариант дальнейших действий. Я так и сказал шефу.

– Ну-у? – протянул он, и тон его был – коктейль из недоверия и иронии, только оливки не хватало. – Тогда, может быть, посветишь и нас в суть – очень коротко?

Я не стал упираться и постарался изложить свою позицию настолько кратко, насколько вообще было возможно.

– Как я понимаю ситуацию, – начал я, – нам нет ни смысла, ни надобности скрывать сам факт розыска исчезнувшего человека. Секретом является лишь его личность. Если в ПС заблудился, скажем, дядя Вася, это не грозит мировой катастрофой и не заинтересует никого, кроме его близких – и нас, разумеется.

– Почему какой-то дядя Вася должен интересовать нас? Лично я его совершенно не знаю, – буркнул Висячий Замок, у которого всегда наблюдался дефицит чувства юмора.

– Потому, – пояснил я, – что дядя Вася – наш работник. Он исчез, находясь в Пространстве Сна. И для нас просто необходимо найти его, потому что мы не оставляем своих в беде. Это понятно любому дримеру, к какому бы бюро он ни принадлежал. Дядя Вася исчез, и мы усердно ищем его.

– Да какой, к дьяволу, дядя Вася? – снова возник Замок.

– Федя, – сказал ему Тигр. – Дай человеку досказать.

– По-моему, я уже все сказал.

– Та-ак, – протянул Тигр. – Что-то в этом есть. Правдоподобие, по крайней мере. Но для полной чистоты нужно, чтобы было и еще кое-что.

– А именно? – поинтересовался уже Борич.

– Да этот самый дядя Вася. Чтобы в случае чего направить нежелательных наблюдателей и доброхотов по его следу. Он не может быть чистой фикцией. Послать туда кого-нибудь, чтобы он исчез?

– Боюсь, что все люди понадобятся нам на своих постах, – озабоченно проговорил Жокей Мысли. – Да и кроме того это нужно уметь – укрыться так, чтобы тебя нашли не сразу. Необходим опыт. Допустим, Борич или Остров могли бы укрыться – но кто же тогда будет искать?

– А если я? – предложил Дуб.

Тигр задумчиво полюбовался на него, подыскивая, видимо, необидный повод для отказа. Но я опередил его.

– Дядя Вася уже есть, – заявил я.

Все уставились на меня, как на новые ворота.

– И не надо никого прятать: он и сам хорошо спрятался, да так успешно, что без нашей помощи и в самом деле может не выбраться. Это раз. Тело его – у нас, уходил он по всем правилам – это два. Легенда выдержит любую проверку.

– Объяснись по-человечески, – потребовал Тигр.

– Да Степ, понятно, – сказал я. – Наш кадет, из группы Козлова. По прозвищу Веник. Час тому назад он провалился в канал Узла. Суммой приемов не владеет, и его несет там неизвестно куда – или уже принесло в какой-то мини-континуум, откуда ему самому не выбраться. Он же зелен еще. Потому и попал. Это был только второй его сольный выход.

– Откуда ты знаешь?

– Да мы с Боричем случайно увидели часа полтора тому назад. Как раз его принимали по подсознанке. Внушительная картинка была...

– Почему это ты вдруг стал экспертом? – с некоторой обидой в голосе поинтересовался Жокей Мысли.

– Из всех нас такое приключалось только со мной, – пояснил я. – Если помните – четыре года тому. Я-то, правда, выбрался сам. Но тогда я уже соображал, что к чему. Вот и давайте искать Веника-Степа.

Выслушав меня, ареопаг минуту-другую безмолствовал; если учитывать обстановку, это было очень долго. Потом Корявый Дуб проговорил:

– Не оказалось бы это лишней потерей времени.

– Почему?

– Потому что, если генерал прав и тут имело место насильственное похищение, то кто-то в Системе ОПС совершенно точно знает, кто на самом деле исчез и кого ищут.

– Думаешь?

– А кто, если не дримеры, может утащить и спрятать человека, даже простого снивца, в ПС?

Снова все помолчали. Мысль была своевременной.

– Тогда, выходит, нам и незачем... – начал было Борич и умолк.

– Ничего подобного, – возразил Пещерный Лев. – Шум, которого мы не хотим, поднимется, только когда будут реальные доказательства того, что с ним приключилось нечто подобное. Асунин же говорил, что те, кто похитил Груздя, сами выступать с заявлениями не будут; привлекут прессу. Это потребует некоторого времени. По сути дела, только этим временем мы и располагаем, чтобы найти его, чтобы здесь он благополучно проснулся, сладко позевывая...

– То есть, – сказал Корявый Дуб, – ты уже решил, что мы принимаем в этом участие?

– Разве не об этом мы все время говорим?

Переглянувшись, мы согласились с ним.

– Тогда, может быть, продолжим разговор в присутствии легатов? Не то у них могут возникнуть излишние подозрения.

– Справедливо, – согласился Тигр. Остальные кивнули, и Тигр вызвал распасовочную и велел пригласить господ.

Когда все трое появились в зале, Тигр изложил суть дела – в варианте для печати.

Пока он говорил, я следил за их лицами. Они восприняли все спокойно, даже слишком, быть может; и я заподозрил, что какая-то, пусть самая неопределенная, информация о случившемся у них уже есть – но нет уверенности в том, что она истинна.

– Да, – произнесла с некоторым даже волнением Лепесток Вишни, – своих людей необходимо выручать. Если мы сможем в чем-то помочь вам в этом поиске...

– Я не уверен, – сказал Тигр, – что мы сейчас будем просить о содействии. Вопрос принципиальный; если мы сразу начнем взывать о помощи, то никогда уже не сможем вернуться к нынешнему самоуважению. Мы, как вы понимаете, не можем совладать с нашей загадочной русской душой. А к чему приведет сомнение в своих силах – представляете?

– Я склонен думать, – пророкотал Привратник Храма, – что в высказанных идеях имеется разумное основание.

– А у меня такое ощущение, – задумчиво протянула Лепесток Вишни, – что пора для совместных действий уже пришла. Инкубационный период, если я могу так выразиться, заканчивается, и кто-то должен совершить первый шаг. Почему бы не сделать это вам – тем более что обстановка действительно подсказывает такое решение. Все мы понимаем, что статус нашей Системы до сих пор не являлся естественным: в немалой степени причастные к коренным судьбам Мироздания, мы пока еще существуем в Производном Мире разобщенно, мы не привыкли не только требовать, но даже просить содействия, в том числе и тогда, когда оно необходимо не только нам, но и человечеству в целом...

– Так-то так, – проворчал Тигр, – но подобные вопросы готовятся месяцами, это сложный процесс. И выступить вот так, скоропалительно, будет, мне кажется, скорее вредным, чем полезным. И кроме того... – Тигр сделал паузу, покачивая головой и пошевеливая плечами,

словно собираясь поднять их до самых ушей и тем показать масштаб своих сомнений, но так и не решившись на такое действие. И, наконец, проговорил: – Надо ведь еще, чтобы все и в других бюро, особенно молодых, уразумели это всерьез. Сейчас они воспринимают свободу своих действий в ПС, их, так сказать, мировой масштаб, свою независимость, как что-то приятное и возбуждающее, как бокал шампанского – и вот им нелегко будет сразу выйти на новый уровень мышления, на совместные операции...

Легаты согласно наклонили головы.

– Мы не можем навязывать свое содействие, – подвел итоги Привратник Храма. – Но будем следить за вашими действиями. И при малейшей надобности придем на помощь. Вас устраивает такой вариант?

– Безусловно, – в свою очередь, поклонился Тигр.

После утонченно-вежливого обмена поклонами и любезностями легаты вышли. Двери затворились.

На этом долгое заседание наконец завершилось. В самое время: я уже потерял уверенность в том, что у меня все еще имеется то, на чем сидят. Оно просто онемело.

– Мне кажется, уважаемые коллеги что-то пронюхали, – не удержался я, чтобы не сказать о своих подозрениях. – Столь полная готовность бросить свои дела, чтобы спешить нам на помощь – вам это не показалось странным?

– Можно представить, что какая-то информация до них докатилась, – проговорил Жокей Мысли. – Об этом знает уже куча людей: родные, обслуга, медики, их жены и дети, соседи... Да и сама СБ – насколько она звуконепроницаема?

– Вот кстати, – сказал я, – по каким каналам могла уйти информация? Иными словами – кого следует опасаться нам самим?

– Я сказал бы: по хорошо замаскированным официальным. То есть как бы случайная утечка, на самом же деле – умело, профессионально организованная.

– Ориентированная на внутренний – или на внешний – рынок?

– Трудно сказать, – ответил на этот раз Тигр. – Наивно думать, что у Груздя есть одни только доброжелатели. Ну а что касается внешнего рынка, то, насколько мне известно, никто еще не объявлял о роспуске своих разведок.

– Но Система ОПС – не разведка.

– Ну, дорогой мой, было бы очень неверно думать, что об ОПС совершенно ничего не знают. Мы сами тому пример. То, что нас не трогают, вовсе не означает, что мы невидимы. Другое дело – что в разных картотеках все мы занимаем место в одном ряду с астрологами, хиромантами, ведунами – чуть пониже экстрасенсов, пожалуй. Но это, так сказать, официальный рейтинг, а на самом деле кое-кто из наших коллег давно уже мог склонить голову на широкую грудь спецслужб.

Я кашлянул, стараясь сделать это как можно выразительнее.

– Нет, нет, – прореагировал Тигр. – Мы вовсе не собираемся воевать с какими-либо разведками и прочими солидными конторами. Совершенно исключено. Однако мы считаем дело серьезным. Мы с вами только что совещались, не так ли? И пришли к выводу: необходима розыскная операция. В конце концов, это наш Груздь... Сделайте из этого вывод, дрим-драйвер, и в соответствии со всем сказанным готовьтесь к операции. Продумайте схему...

– Пока что мне еще не все ясно, – сказал я в ответ. – Кто будет ассистировать мне в ПС? Кто – охранять мой канал возвращения, поскольку возникает опасность, что его попытаются перехватить? Какова форма связи? По какой методике меня отправят? И наконец: не уговорим ли мы все-таки подпустить нас к телу? Думаю, мне стоило бы внимательно понаблюдать за тем, как Груздь спит: по собственному опыту знаю... А уж если бы поставить на него датчики – и вообще никаких проблем не осталось бы...

Тигр поднял руку, давая понять, что продолжать мне не стоит.

– Было бы, конечно, куда удобнее, если бы тело находилось в нашей палате. Однако, оно лежит там, где ему полагается, и попасть туда, я мыслю, невозможно – во всяком случае, для нас, не имеющих в государстве никакого официального статуса. К тому же генерал, помнится, высказался по этому поводу с исчерпывающей ясностью, не так ли?

Тигр, как я понял, не хотел заводить нового разговора с СБ.

Но мне было наплевать на эту дипломатию: работать-то придется именно мне, это было совершенно ясно, и я должен был обеспечить себе наилучшие условия.

– Знаете, – сказал я, – если бы я услышал это от человека несведущего... Но от вас – я удивлен. А с проникновением к нему – имеются варианты. Найдите способ уложить меня в ту же клинику. Вы ведь понимаете, что разыскать его будет куда легче, обнаружив его канал, чем действуя практически наугад; а установить канал на два порядка проще, если я вхожу в ПС, оставив свое тело где-то по соседству с разыскиваемым. Формула Гастона, если применить ее к данному случаю...

Тигр снова поднял руку.

– Того, что ты предлагаешь, мы сделать не можем. Все, тема закрыта, – заключил он. – Что же касается остальных твоих вопросов, то ассистировать в ПС тебе будет Сизый. Устраивает?

Я кивнул. Сизый был уже слишком стар, чтобы идти первым номером, но для прикрытия лучшей кандидатуры было не найти.

– Дальше: на твоём канале – Борич. Есть возражения?

– Пусть только попробует возразить, – проворчал Борич.

– Не собираюсь, – заверил я.

– Теперь о методике. Опыт подсказывает, что самое лучшее – точно так же уснуть тебе в сон без ограничения срока, чтобы ты обладал полной свободой действий. Но за тобой пойдет охота: если Груздь похитили, то не для того, чтобы ты его нашел – во всяком случае, в срок, каким мы располагаем. Поэтому у тебя должна сохраняться возможность аварийного выхода в ПМ – и может быть, неоднократного. И мы тут остановились на таком варианте: сон без ограничения – но под контролем. То есть, если от тебя не поступает сигнала об отзыве, продолжаем держать тебя там. Устраивает? Не спеши, можешь думать целую минуту.

Я кивнул и честно использовал данное мне время до последней наносекунды.

– Пожалуй, я согласен, – сказал я, когда секундная стрелка замкнула окружность.

– Уверен, что плоть не подведет?

Я знал, конечно, что нагрузка на мое спящее тело будет намного большей, чем когда бы то ни было. Но решил, что выдержу.

– Если бы операция рассчитывалась на месяц, – сказал я, – то я бы еще подумал. Но за пару дней плоть, надеюсь, не успеет измыслить какую-нибудь пакость.

– Будь по-твоему, – решил Тигр.

– Значит, все ясно, – подытожил я. – Для меня, во всяком случае. Тогда дайте прямо сейчас распоряжение на Главный компьютер, чтобы начали работу над моей программой, пусть соберут все, что можно. Я тут же сажусь за материалы. Постараюсь не затягивать. Попутно вы выясните – пусть и через генерала, – с кем Груздь соприкасался в последнее время, кто может рассказать хоть что-то о его желаниях, настроениях, обо всем – вплоть до случайных словечек. Что читал, что смотрел в минуты отдыха – если они у него были, конечно. Одновременно надо выяснить и круг забот и интересов самих этих людей: возможно, мне понадобится пообщаться с ними и там, в Пространстве Сна, – следовательно, я должен знать, где искать их, в каких временах и макрокосмах. Конечно, самое важное тут – его настроения и информационный репертуар: мне ведь, может статься, понадобится там собрать команду – и желательно уже заранее знать, кого мне привлекать к этой работе из постоянных обитателей ПС. А тут, в Производном Мире, у людей, о которых я говорил, обязательно надо выяснить еще и то – не встречался ли кто-либо из них с Груздем в ПС во время последних нормальных погружений.

Я же займусь его записями – анализом и выводами; может быть, таким путем удастся хотя бы в первом приближении набросать его маршрут в ПС и конечную цель, которая и будет скорее всего местом нынешнего пребывания. Хорошо бы, конечно, покопаться в его компьютере – я имею в виду его личный, а не служебный. Можем мы туда вломиться, как думаете?

Мастера переглянулись.

– Именно это я имел в виду, говоря о последних записях, – проговорил Тигр Подземелья. – Что же касается взлома его компьютера...

Он не закончил, но интонация свидетельствовала о том, что он сильно сомневается в такой возможности.

Я перевел вопросительный взгляд на Висячего Замка. Тот покачал головой:

– Мы, собственно, с этого начали. И выяснили, что для того, чтобы вскрыть его компьютер, нужно сперва взломать его жилье. Потому что эта его машина не связана, по данным Глобалнета, ни с одной сетью, общается он при помощи служебных, но там – мы посмотрели – нет совершенно ничего такого, что могло бы нас заинтересовать.

– Понятно, – сказал я. – Значит, мои первоначальные действия таковы: после знакомства с материалами я, получив от вас сведения об интересующих нас людях, делаю более или менее подробную разработку – с кем из них мне надо будет встретиться в Пространстве Сна, сколько мне понадобится опорных групп и кого привлекать в их состав; далее – наметить места встреч с ними в ПС; затем – выбрать узел, в который надо будет пробиться, чтобы получить свободу выбора времен и направлений в ПС. Но прежде всего – подыскать наилучшую методику для выхода из семейного круга, где меня могут пытаться задержать или вообще нейтрализовать. Такого выхода, какой предполагаемым оппонентам было бы трудно предусмотреть. Потом ложусь. Но только для пристрелочного погружения – по производному времени часа на два-три. Выхожу, иду домой, готовлю там выход запасного канала. Дальше – как всегда.

– Нет, – сказал Дуб. – Домой тебе идти незачем. Тебя будет очень легко перехватить. С этим уже приходится считаться. Конечно, запасной канал не помешал бы – но первое погружение сделаешь без него. Ну, не увидят тебя соседи два-три дня – подумаешь, очень ты там кому-то нужен.

– Пожалуй, никому, – согласился я. – Ладно, на первый раз сойдет и так. Но из дома я хотел еще позвонить кое-куда, где я еще кому-то необходим.

– Звони сверху, из клиники.

– У меня разговор будет сугубо интимный. А тут все автоматически пишется. Не устраивает.

– Наверху, на крыльце, автомат, – сказал Дуб. – Он к записи не подключен, им пользуются легальные больные. Нарядишься в халат и позвонишь с крыльца, как нормальный клиент. Всего и делов.

– Уговорили, – согласился я. – Сделаю это сразу. Чтобы потом не отвлекаться от материалов.

– В общем, начать и кончить, – подвел итоги разговора Тигр Подземелья. – И на все это тебе здесь, в Производном Мире, могу дать часа три, не более. А теперь – оба свободны. А мы тут еще задержимся.

Мы с Боричем встали, откланялись и вышли в распасовочную. Молодой человек от Ле Монти лишь мельком глянул на нас – но мне почудилось в его глазах что-то вроде сочувствия; может быть, впрочем, то была легкая зависть? А джинсованный юноша вообще не обратил на нас внимания. Так тут у нас принято: вести себя, словно никто ничего не знает, не понимает – и вообще.

Глава вторая

Палата номер шесть

Из распасовочной мы не стали подниматься, но направились по другому коридору. Здесь тоже были палаты, как наверху; но, в отличие от тех, это были наши, рабочие палаты, и каждая из них оснащалась оборудованием, какое, пожалуй, привело бы в недоумение любого врача – будь он терапевтом, хирургом или психиатром, все равно. Палаты обозначались номерами. Борич открыл шестую, как это и предполагалось.

– Вот твоя, – сказал он. – Милости просим к родным клистирам.

Осмотром палаты я остался доволен, и в первую очередь кроватью: не так-то просто даже для безмысленной плоти – лежать целыми сутками, а порой и неделями напролет, обходясь без пролежней и всего, связанного с подобным режимом. Тут неприятности такого рода мне не грозили. Теперь, с возведением в ранг дрим-драйвера, эти хоромы становились вообще моими персональными, и даже если бы я ушел, предположим, в отпуск, уложить тут кого-нибудь другого можно было бы только с моего разрешения; иначе я развел бы высокую волну, а что это такое – всем в Институте известно. Мне чуждо всепрощение, как черта характера или идеология.

Я оглядел питательные устройства – единственное из всего здешнего оборудования, что было изготовлено на Земле, мало того – именно в России. Они были старого типа, но к ним и раньше никаких претензий не возникало. Так что можно будет спать спокойно. Хотя в палате не было ни одного окна, что неудивительно для подземелья, воздух был чистым, душистым; он показался мне чуть прохладным – но спать лучше именно в прохладном воздухе.

– О'кей, – сказал я. – Можно считать, что клиентура удовлетворена.

– Приятно слышать, – откликнулся Борич. – Тогда переодевайся. Время здесь, в ПМ, дорого, что ты должен был уяснить, если внимательно вслушивался в откровения нашего граншефа.

Просто удивительно, как Борич любил – и умел – говорить банальности. Однако к этой его манере я давно привык, и она меня больше не раздражала. Тем более сейчас, когда я пребывал в отличном настроении, которое возникает перед уходом в Пространство Сна, хотя и не каждый раз, но только в случаях, когда не оставляешь за собою в мире яви никаких неприятностей, вроде невыключенного кофейника дома или незавершенной дискуссии с начальством. Своеобразная эйфория возникала от предчувствия той легкости движений, отсутствия собственной массы и ощущения почти всемогущества в распоряжении временем и пространством, которые свойственны каждому профессионалу в ПС.

Я подошел к стенному шкафу, отворил дверцу. Как следовало ожидать, здесь было два комплекта: обыкновенная больничная пижама и халат – на случай, если придется возникать наверху, в легальной клинике, ну вот как мне сейчас, чтобы позвонить по неконтролируемому телефону. Второй комплект – то, в чем мне предстояло работать, то есть спать – был внеземного происхождения, и не я один затруднился бы определить генезис материала, из которого эту одежду где-то сшили – хотя, разумеется, она не была именно сшита. Однако сюда уже положили и мою собственную пижаму, домашнюю, которую я вытащил из своей походной сумки: даже на природе, в машине или палатке, я пользовался ею, а отправляясь на операцию, тоже предпочитал засыпать в своей, хотя вряд ли она была лучше прочих.

Я быстро переоблачился в официальный комплект, открыл другой шкафчик и разместил там одежду, в которой пришел.

– Готов.

– Тогда возлегай.

– Ничуть не бывало. Я же говорил! Мне нужен телефон с минимальной вероятностью прослушивания. Вынь да положи!

– Тебе действительно так уж необходимо позвонить?

Мне действительно было необходимо. Взрослый человек, близкий тебе, самый близкий, сумеет, успокаивая себя, найти не одно объяснение твоему внезапному исчезновению на пару-тройку дней; но не десятилетний ребенок, девочка, которой в жизни я был нужен, надеюсь, не менее, чем она мне – один свет в окне, как говорят в России, хотя жили мы и не вместе. И сейчас я должен был спокойно объяснить ей, что возникла срочная необходимость выехать ненадолго, но достаточно далеко – скажем, на Крайний Север, где с телефонами затруднительно, так что я вряд ли смогу позвонить оттуда, и мое молчание вовсе не должно ее беспокоить: если задержусь – буду передавать приветы через других людей... Причем изложить все это так, чтобы она поверила. Детей всегда трудно обманывать – не потому, что они чувствуют ложь острее, чем взрослые, но по той причине, что внутри себя приходится преодолевать более высокий порог.

– Да, – заверил я Борича. – Совершенно необходимо.

На крылечке родном

Вот в таком духе я и начал разговор с дочкой, когда поднялся в лифте наверх и, как штатный больной, пропутешествовал по коридору, пересек вестибюль и вышел из главного подъезда к автомату, который, к счастью, оказался незанятым: по режиму верхней клиники сейчас было время обхода, так что все любители разговоров находились в палатах. Дочка оказалась дома, и я сказал ей все, что следовало, и выслушал почти все возражения несогласия и все претензии, какие всякий раз возникали у нее в подобных случаях. На этот раз главным было обвинение в том, что я опять не беру ее с собой – хотя сколько раз уже обещал.

– Знаешь, – сказал я ей, – там сейчас очень уж холодно. Ну такая холодина! Там даже ходить приходится, сжавшись в комочек, чтобы терять поменьше тепла – иначе можно на ходу замерзнуть. Я-то так умею, а вот ты...

– Как это – в комочек? – немедленно заинтересовалась она.

– А вот так! – И хотя она совершенно никак не могла увидеть меня по телефону, я – чтобы с большей достоверностью описать это состояние – и на самом деле съежился, присел, насколько позволяла длина телефонного шнура.

Однако объяснить до конца мне не удалось. Потому что одновременно с моим телодвижением послышался негромкий щелчок – и разговор прервался, телефон онемел, и это странным образом совпало с появлением в середине аппарата, висевшего на стене на уровне моей головы, аккуратной круглой дырочки. Происхождение ее не вызвало у меня и тени сомнения: приходилось не раз встречаться с такими вещами, только до сих пор это происходило в ПС, а наяву, в ПМ, привелось столкнуться с таким явлением впервые: здесь в меня раньше не стреляли.

Однако опыт остается опытом, где бы он ни был приобретен. И я, не дожидаясь второго действия, выпустил трубку и продолжил медленное оседание на холодный бетон крыльца. Трубка раскачивалась на бронированном шнуре, ударяясь о стену. Дверь клиники распахнулась, тут же вылетел Борич и подхватил меня, не позволяя растянуться на твердой сырой поверхности.

– Ты... что с тобой?

– Ничего, – сказал я быстро и тихо, и тут же громко застонал. Потом так же напряженно продолжил: – Тащи меня внутрь, быстро! Я по меньшей мере ранен, понятно? К сведению стрелка...

Борич так и сделал – ему достаточно было бросить беглый взгляд на аппарат, опыта у него тоже хватило бы на троих. Он приподнял меня и потащил, как бы усевшись на меня верхом – мои ноги вяло волочились по крыльцу, – собственной спиной он закрывал мою голову от возможного повторного выстрела. Выстрела, однако, не последовало – вероятно, меня не обязательно следовало убить, достаточно было всерьез вывести из строя, помешать выходу в ПС. Так размышлял я, уткнувшись носом в пряжку пояса Борича. Значит, все-таки решили перехватить еще тут. Да это и проще, чем там – для людей, не имеющих высшей дрим-квалификации. Любопытно, это стоит учесть...

Борич втащил меня в безлюдный сейчас вестибюль. Но это помещение могло просматриваться снаружи – в случае, если стрелок (а он мог находиться только на больничной территории) пошел на дополнительный риск и задержался, чтобы убедиться в выполнении работы. Так что Боричу пришлось бы потеть еще с минуту, тащить меня, пока мы не оказались бы в коридоре, – если бы тут же, как бы случайно, не возникли мои старые приятели: Лазарь Тимофеевич и Васятка, на этот раз без смиренного наряда. К счастью, посторонних свидетелей происшествия не было, а выстрел даже я едва расслышал, оружие, надо полагать, было

из новинок современного арсенала. Добры молодцы привычно подхватили меня и помчались легкой медицинской рысью.

В коридоре я наконец встал на ноги.

– Очень интересно, а? – сказал я просто так, чтобы немного снять напряжение.

Борич нащупал мой пульс. И кивнул санитарам, давая понять, что их миссия выполнена успешно.

– Ничего, в норме. Как тебе удалось увернуться? Заметил его?

– Нет. Скорее сработало подсознание. Откровенно говоря, ничего подобного я не ждал. Хотя предчувствия такого рода возникали.

– Да, нечто новое. Пошли срочно докладывать. Скорее всего Консилиум захочет переиграть всю схему.

– Я почти уверен.

Переговаривались мы уже на ходу – быстро шли, почти бежали к сестринскому посту.

Сестры на месте не оказалось. Это часто бывает в больницах. Но лифт принадлежал нашей, подземной системе и был всегда в готовности. Чем мы и не замедлили воспользоваться.

Твое дело – слушать

Мы еще не успели добраться до Консилиума, как там уже стало известно о случившемся – в этом не было ничего удивительного: крыльцо просматривалось ТВ-камерой с поста защиты. Так что томиться до приема не потребовалось: нас с нетерпением ждали.

– Значит, так, – проронил Тигр Подземелья (видимо, они успели уже накоротке обсудить положение): – Ты выведен из строя. И, что еще важнее, находишься у кого-то на заметке. О чем это свидетельствует?

Он назидательно поднял палец, и я понял, что сейчас последует очередная лекция, неизбежная, как гром после молнии.

– Свидетельствует о том, – заявил Тигр, рубя воздух резкими ударами пальца в такт словам, – что дело действительно непростое. Кто-то со стороны не только интересуется нашими действиями, но и пытается предвосхитить их. Вывод: генерал прав, и некто серьезно заинтересован в исчезновении Груздя и в том, чтобы помешать нам найти и вернуть его. Второй вывод: ты, Остров, им известен, ты засвечен и, естественно, не можешь идти на операцию. Тем более что ты, как я уже сказал, самое малое – серьезно ранен.

– Мне казалось, – возразил я, не сдержавшись, – что у нас не военная игра, где человеку заявляют: «Ты убит до самого отбоя». Я в полном порядке, и...

Он поднял руку, прерывая мой монолог.

– Потерпи. Вовсе не плохо, что так получилось. И не только потому, что дает нам представление о серьезности намерений противника. Сейчас они дали нам возможность сделать еще один финт. И мы его сделаем. Ты выбыл, следовательно – поскольку всем ясно, что отказаться от операции мы не можем – вместо тебя пойдет другой человек. А мы все – включая тебя – внимательно смотрим: что будет с ним происходить в ПС? Вероятно, к нему применят те средства, которые попытались бы применить и к тебе. А его задача будет – поводить их за нос, составить ложное представление о тех действиях, которые мы намерены совершать, и увести их по возможности дальше от той тропы, по которой ты потом двинешься. Нет, прошу не прерывать. Твое дело сейчас – слушать. Пока они там будут играть в свои игры, мы зашлем тебя – но совершенно в другие параметры, через иные миниконы. Так что, хотя тебе оттуда и труднее будет добираться до нужных целей, зато ты получишь свободу действий – пока они не раскусят нашего замысла или пока ты где-нибудь там не засветишься снова. Во всяком случае, это даст тебе преимущество неожиданности. Сейчас, как ты понимаешь, тебя ждут. Именно там, куда, по оперативной логике, мы должны тебя забросить: на тропе, по которой отправился и сам Груздь. Они ее не знают, но полагают, что его подсознание в нашем распоряжении, и поэтому его пути нам известны. Они будут ждать любого, кого мы пошлем, – предположительно тебя – близ твоего домашнего круга, и, перехватив там, попытаются сесть тебе на пятки. Значит, кто-то должен пойти вместо тебя, повертеться у них на глазах там, где начал бы дорогу ты, а затем – увести их в другую сторону, тогда и настанет твой черед. Что, у тебя сохранились возражения?

– Одно осталось, – сказал я. – Если мы пошлем туда живцом кого-то несерьезного, кому такое задание не по плечу – а они, надо полагать, знают наших людей, раз уж им известно обо мне, – противник сразу сообразит, что мы хотим их провести. Идти должен серьезный дример. Такой, чтобы они поверили. И чтобы он действительно смог заставить их побегать впустую. Кого вы наметили?

Я знал, что особого выбора у нас, к сожалению, не было: задача попала в ранг высшей категории сложности. И, согласно заданию, нельзя было попросить исполнителя в каком-нибудь другом бюро. Хотя...

– В этом ты прав, – согласился Тигр. – Мы бы послали Сизого, но в ПС уже известно, что первым номером он не ходок. А наши... гм... оппоненты – сто к одному – ориентируются в ПС вполне успешно. Так что Сизый останется вторым. А пойдет Борич.

– Я готов, – произнес Борич быстро.

– Погодите. А как с моим каналом?

– На твоём канале буду я, – ответил Корявый Дуб. – Тебя устраивает такая кандидатура?

– Вполне, – откликнулся я совершенно искренне.

– Итак: Борич – в шестую, Остров продолжает по старой схеме: знакомится с материалами. Боричу это не нужно, поскольку на самом деле он розыска вести не будет.

– Ну это еще как сказать, – обиделся Борич. – Может быть, мне как раз будет легче – потому, что меня они не ждут.

– Остров, ты все уяснил? – спросил Тигр, сделав вид, что реплика Борича прошла мимо его ушей. – Кстати, мы отправим Борича из шестой. Неизвестно, насколько хорошо они информированы о нашей кухне; если достаточно глубоко, то занятая им твоя палата станет лишним свидетельством того, что ты от операции отпал совершенно.

– Вас понял, – сказал я. – Только пусть Борич отдаст из шестой мою пижаму. Терпеть не могу, когда мои шмотки надевают посторонние лица.

– Даже по решению суда не стал бы, – заявил Борич надменно.

– На этом все, – завершил Тигр. – Или есть еще какие-то соображения?

– Не знаю, соображения это или сомнения, – проговорил Висячий Замок, – но что-то подобное у меня возникло. Эта история с выстрелом кажется мне какой-то несерьезной. Мы хотим сыграть игру – но не начали ли они подавать первыми? Хотелось бы подумать.

– Стреляли не холостыми, – сказал Тигр. – Значит, независимо от их замыслов, наша реакция будет восприниматься, как естественная, мало того – как единственно возможная.

«Ладно, – подумал я, – пусть философствуют. У них еще есть время для этого, а у меня – нет. Потому что уже сейчас за операцию отвечаю я. В первую очередь – я».

(Так у нас принято. С мгновения, когда определен основной исполнитель и принята схема, операцию ведет исполнитель и он же отвечает за нее.)

У меня оставалось ровно столько времени, чтобы просмотреть материалы, связанные с похищенным, а до того – выяснить, какой образ действий спланировали для меня компьютерщики с Большой Извилины. И столько же времени требовалось Боричу, чтобы подготовиться к неожиданному выходу.

К неожиданному? Наверное, это не совсем точно сказано. К непредусмотренному – да, так. Но неожиданностей для нас быть не должно.

Зачем составляются планы

В Большой Извилине властвовал обычный полусонный режим. Программисты, которых я про себя называл верблюдами за их отрешенно-пренебрежительное отношение ко всему остальному миру, торчали на своих местах и ничего вроде бы не делали; только на мониторах было движение, следовательно – жизнь.

Я прошел к третьему пульту. Это с него шли команды по разработке предварительных планов по снопространственным операциям. Именно предварительных – потому что настоящий, реализуемый план возникал всегда уже там, на месте, и зависел не столько от наших намерений, сколько от количества и качества непредсказуемых коррективов, которые Пространство Сна неизменно вносило в наши разработки.

Я взгляделся. На пятидесятидюймовом мониторе высвечивалось, как всегда, нечто, называемое нами «кипящий суп»: возникали, словно всплывая снизу, и в следующую секунду гасли или вновь тонули в месиве, в мгновенно закручивавшихся завихрениях, какие-то сложные кривые черт-те какого порядка, торы, эллипсоиды, вообще всякая стереометрия на любой вкус; от такого обилия любой дизайнер пришел бы в тихий восторг, для нас же это были всего лишь помехи. Никто не думал, конечно, что Большая Извилина (так именовался этот аппарат на институтском жаргоне) когда-нибудь окажется способной выдать что-то, похожее на реальную картину происходящего в какой-то точке ПС, где в этот миг не было ни одного дримера, с чьего спящего тела мы могли бы тут снимать сигналы подкорки: техника не изобрела еще преобразователей, которые смогли бы как-то соотносить слабенькие электромагнитные приборы, какими пользуются в мире яви, с тем непредставимым по мощности полем Духа, которое и образует само Пространство Сна со всем, в него входящим и в нем происходящим, и – в качестве, так сказать, отходов творчества – с нашим Производным Миром и всеми другими такими же мирами. Увидеть что-либо, реально происходящее в ПС, было и пока остается столь же затруднительным, как поймать изображение, зашифрованное в сигналах телецентра, при помощи натянутого на подрамник холста. Но программа давала машине возможность хотя бы приблизительно оценить порядок сложности сиюминутной обстановки в тех областях ПС, куда мы уже спроворились забросить маячки – предоставленные нам тем же далеким и неназываемым источником, который снабжал Систему всей серьезной техникой (с нашей точки зрения, это были сплошные черные ящики). Только в эти области нам и полагалось выходить: там мы могли рассчитывать на более или менее устойчивую связь с Явью, а в случае необходимости – и на срочную эвакуацию. Казалось бы, пустяковое дело, если вся эвакуация заключается лишь в том, чтобы разбудить спящего. В быту это и на самом деле не весьма сложно; но когда вы ушли за пределы произвольного сна, это оказывается порой очень и очень замысловатой задачей, в некоторых случаях вообще невыполнимой. Как вот, например, сейчас: хотя данных у меня не было никаких, но интуиция подсказывала, что работать придется совсем не в тех макроконах, где нам был обеспечен и стол, и дом, а сверх того – четкая связь и безопасность.

Я с минуту полюбовался на адское варево, потом уселся и кивнул оператору:

– Давай, авгур. Время жмет.

Оператор, по прозвищу Микрософт (именно так, а не Майкрософт; возможно, поименовали его так за малый рост), изобразил на лице невыносимое страдание: ему предстояло перевести понятия, подсказанные великой компьютерной логикой, на примитивный язык человеческих слов, только и доступный недоразвитым индивидуумам вроде меня. Однако в конце концов именно за это ему и платили деньги; он вздохнул и покорился.

– Ну, смотри. Тут, как ты видишь, твой семейный круг. – Он ткнул лучиком световой указки в правый верхний угол экрана. – С него и начнется, как полагается. Теперь – внимание. Вот векторы Д и М (повинуясь ему, стрелочки возникли и затрепетали зелеными хвостиками) –

они в ближайшие часы явного времени вроде бы безопасны. Твой первый этап – добраться до малого континуального узелка, то есть, казалось бы, по вектору Φ ; но этого нельзя, он, как видишь, сейчас слишком близок к крутящим силам. Так что пойдешь в обход. Вот это (на экране возникло несколько тонких плавных кривых, от края и до края, каждая пересекалась с двумя другими, образуя криволинейные треугольники) – два района неопределенности первого порядка, а тут, поближе к центру, – неопределенность второго. Тебе их никак не миновать, но проходить надо впритирку к границам, иначе – да ты сам понимаешь. Вероятность достижения Узла при допустимом уровне осложнений первого класса – ноль шесть, второго – ноль восемь. Вот эти направления (он широко провел указкой, отсекая чуть ли не две трети обозримого пространства) для тебя совершенно закрыты. Если возникнут разовые течения и тебя начнет сносить к ним – рекомендуем срочную эвакуацию. Вот так вот. – Микрософт помолчал. – Ну, ничего более определенного я, пожалуй, сказать не смогу. Хотя вот еще: наиболее вероятные темпоральные совмещения – с шестнадцатым-семнадцатым веками, дальше – неопределенное прошлое из разряда предпрошедших и какой-то язык из будущего – тоже, к сожалению, не очень определенного. А здесь (он махнул указкой по самому левому краю дисплея) предполагается некое сгущение Сил. Тут конкретности еще меньше. Жаль, конечно, но...

(Словно бы то, что он говорил до сих пор, страдало определенностью и конкретностью!)

– Ну допустим, – сказал я. – Но это все пока, по сути, – высокая теория. А мне хотелось бы чего-нибудь съедобного. Что дали карты сравнений? Возникло ли нечто, что можно было бы интерпретировать, как результат пребывания там Груздя? Или кого-то, имеющего к нему отношение?

По выражению лица Микрософта можно было заподозрить, что он только что сжевал на голодный желудок целую дюжину лимонов.

– Вопрос на засыпку, – констатировал он безрадостно. – Ручаться ни за что не могу. Но вот в двух местах (он показал) имеется не след, но как бы проекция следа – из высшего уровня. Но в эти уровни надо еще попасть, верно?

– Ты меня вдохновил, – сообщил я ему не очень радостным тоном. – Скажи, а общий уровень устойчивости?

Он пожевал губами:

– Н-ну... Попролам, скажем так.

– А теперь и вовсе осчастливил. Ладно, распечатай мне эти твои рецепты – зайду с ними в ближайшую аптеку, может, там разберут, что к чему...

Микрософт не обиделся. В конце концов, он понимал, как, впрочем, и каждый в нашем хозяйстве, что моя работа не сахар, скорее что-то вроде хины. Вы поймете это, если представите себе, что каждый раз, ложась спать, снова прощаетесь с миром яви, потому что никто не дает гарантий, что вы сюда вернетесь. Умирать хорошо один раз, но когда это становится сериалом, то смотреть его надоедает очень быстро.

Можно, конечно, с этой работы уйти. Ко всем чертям. Силком удерживать никто не станет. После каждого серьезного выхода даешь себе страшную клятву (как многие женщины, едва успев разродиться): да чтобы я еще хоть раз!.. Но как только придешь в себя – снова, как наркоман, начинаешь тосковать по сладкому яду неизвестности. Такое, наверное, ощущали великие землепроходцы и мореплаватели. Но Земля конечна; Пространства же Сна хватит на всех и на все времена, которых, кстати, тоже хватит на всех – и на все пространства.

– Ну что же, – сказал я Микрософту на прощание, – баюкай и дальше свой седалищный нерв. А я уж побреду.

– Удачи, – пожелал он мне вдогонку.

Сапоги всмятку

Выйдя из Большой Извилины – пардон, из Главной Компьютерной, я направился в архивное отделение, где, как я рассчитывал, моя персоналка была уже подключена к тем источникам, из которых я надеялся черпать материал, чтобы поближе познакомиться – пусть и заочно – с человеком, духовную сущность которого мне предстояло разыскать в причудливом многообразии Пространства Сна.

Я начал с биографических материалов похищенного.

Родился в... Так, это известно. Где? Село Воскресенское Красноярского края. Это надо запомнить. Учился...

Стоп. Что за черт?

И в самом деле, дальше пошла какая-то чепуха, чтобы не сказать – дьявольщина. Все-таки речь шла о человеке давно известном, ученом всепланетного масштаба, да к тому же еще и – с недавних пор – крупном промышленнике, не раз избиравшемся в члены разных там академий и научных обществ, или назначавшемся на высокие должности в очень крупных банках и компаниях, так что биография его – пусть в самых общих чертах, в первом приближении – была известна, наверное, всем, до последнего бомжа с Курского вокзала. Но ведь там не было ничего похожего на текст, который сейчас выдавался мне усердной машиной!

«Учился в престижной частной школе в Йоркшире, ОК...»

Это он-то? Да он в Англию впервые попал – я читал где-то – в тридцатилетнем возрасте. Поздновато для школы.

«Трудовую деятельность начал с 13 лет. В 1923–1926 гг. учился в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова...»

Бред собачий. Его тогда еще и на свете не было. Просто интересно, чем нас тут еще порадуют?

«Был одним из организаторов антисоветской интервенции...»

Ну просто прелесть.

«Во время Великой Отечественной войны с 1942 года командовал стрелковой дивизией, танковым корпусом, армией...»

Да, разыгралась у кого-то фантазия.

«Создал замечательные по своему реализму образы в пьесах Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого», – невозмутимо утверждал банк биографий.

Или, может, мне это мерещится? Крыша поехала?

«На 1-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва был избран членом Политбюро и секретарем ЦК КПК...»

Нет, вроде бы температура у меня нормальная.

«Основные работы относятся к исследованию планктона полярных морей, химической кинетике и строительной механике корабля...»

Все. Хватит.

Я выключил машину, но предварительно немного погонял ее по тестам на предмет обнаружения сбоев или вирусов. Нет, с нею все было в порядке. Со мной (во всяком случае, так мне казалось) – тоже. И только все, что касалось человека, которого мне предстояло отыскать в ПС, куда-то кануло и было заменено сборной солянкой из обрывков черт знает чьих биографий. Грубо, но выразительно. Наверняка это сделано специально для удара по психике – и в первую очередь по моей: мы, твои противники, все знаем, все можем, так что лучшим для тебя будет – не встречать в наши дела. Разумеется, это было сделано не специально для меня – для любого, кто захочет познакомиться с материалами по интересующему нас лицу прежде, чем отправиться в поход. Да, это они; кому еще пришлось бы в голову учинить такую пакость?

Разве что самому виновнику торжества – если он очень не хотел оставить по себе, как говорится, светлую память, а проще говоря – поддающиеся выявлению и расшифровке следы.

Ни к селу, ни к городу я вдруг вспомнил старую песенку: «Мальбрук в поход собрался...»

Впрочем, на рассуждения сейчас не оставалось времени. Я должен был только доложить о случившемся – и заняться более срочными делами. А нужные мне данные придется разыскивать уже в ПС. Они там есть. Потому что там есть вообще все мыслимое и немыслимое.

Борич уже скоро уснет. Его задача – разведка, а не поиск. Но на всякий случай надо сообщить ему все, чем порадовал меня Микрософт, и особое его внимание обратить на предполагаемые следы, вернее – проекции следов из высших уровней Пространства Сна. А потом очень любопытно будет хоть недолго последить за тем, что же там с ним произойдет. Чтобы примерно прикинуть, на что должен рассчитывать я сам. Прогнозы Микрософта – одно дело, но они – из области теории, а, как сказано мудрецом, вечно зелено лишь древо жизни. Как-никак, сон – тоже жизнь, и куда более интересная, полная и продолжительная, чем существование в яви.

И я направился – не в демонстрационную, в которой можно увидеть лишь записанные раньше эпизоды, а в пост наблюдения, где становится доступным и моделирование происходящего в ПС в этот самый миг нашего, производного времени.

Понемногу о многом

Впрочем, сказав о моделировании происходящего, я несколько преувеличил. Так же, как и планирование на Большой Извилине, оно на самом деле – сплошная условность.

Мало того, что происходящее в Пространстве Сна мы отсюда, из Производного мира, видеть не можем и вряд ли когда-нибудь сможем. Дело еще и в том, что здесь, в континууме яви, где я (и вы тоже) пребываю сейчас, существует только одно время. Неуклонное и неостановимое движение из того, что мы называем прошлым, в то, что столь же условно именуем будущим.

Наш континуум – это узкий коридор, по которому проложены рельсы, и по ним катится тележка, вмещающая все, что существует в этом мире и всех других мирах. В этом коридоре нет ни поворотного круга, ни стрелок, вообще никаких приспособлений для того, чтобы повернуть назад или изменить направление под углом, скажем, в сорок пять градусов.

Стены коридора непроницаемы. И что происходит за его пределами – мы не знаем и можем лишь догадываться, правильно или неправильно. В нашей власти – строить гипотезы, которые мы не можем ни доказать, ни обоснованно опровергнуть.

Коридор кажется нам прямым, хотя на самом деле он не таков. Но радиусы его искривлений настолько велики, что мы их просто не замечаем, как, стоя на земле, не воспринимаем ее выпуклости.

И нам кажется, что в этом и заключается наша судьба и судьба всех миров: безостановочно двигаться из одной неизвестности в другую.

На самом деле это не так. Наши представления о времени и пространстве, составляющих наш континуум, так же верны, но и так же ограничены, как механика Ньютона.

И в то же время каждый из нас не раз и не два, но сотни и тысячи раз в своей жизни (даже если она не очень длинна) покидает этот коридор с его строгими условиями бытия. И оказывается в совершенно другой сущности, с другими законами, пространствами и временами, измерениями и данностями.

Мы называем это – видеть сны.

И даем этому совершенно неправильное объяснение.

Мы размышляем и судим примерно так, как человек, впервые увидевший телевизор и пытающийся найти внутри черного или коричневого ящика все то, что мгновение назад было на экране. Хотя на деле действие происходило совершенно в другом месте, и – чаще всего – в другое время. Передача, идущая в записи – своего рода путешествие в прошлое. Иными словами, телевидению в какой-то мере свойственно владение временем. Правда, не будущим, но лишь прошлым и настоящим.

Что же касается того, что мы называем снами...

* * *

Однако, мне кажется, для первого разговора достаточно. Нет, я вовсе не против того, чтобы вернуться к теме при случае.

Но сейчас Борич наверняка прошел уже, оккупировав Шестую палату, которую я стал было считать своей, все операции, связанные с подготовкой к выходу в Пространство Сна. Ему дали выпить все, что положено (это вовсе не то, чего хотелось бы), и сжевать горсть разной химии, поналепили на него датчиков, понавтыкали иголок в грешную плоть – и помахали рукой вслед. Вот-вот он окажется уже на месте работы, в ПС, и мы сможем наблюдать на экране пусть не за всеми, но хотя бы за некоторыми из ситуаций, что возникнут там в связи с его появлением. Не за всеми – по той причине, что у нас, как было сказано выше, время одно – а там

их множество, и события могут происходить в нескольких из них, но для нас эти времена будут казаться синхронными. Подобно тому, как для существа, живущего в двух измерениях, три, допустим, предмета, оказавшиеся на одной прямой, на луче зрения этого существа, не смогут восприниматься им сразу: оно увидит лишь ближайший предмет, остальные два укроются за первым, и существо должно будет обладать способностью к весьма абстрактному мышлению, чтобы представить себе и то, что недоступно его непосредственному восприятию и не может быть подвергнуто никаким воздействиям с его стороны.

Вот почему здесь, в Производном мире, мы наблюдаем лишь одно событие, когда на самом деле их происходит – некоторое количество, скажем так, отличное от единицы. Когда мы сами находимся там, в ПС, это кажется нам совершенно естественным и понятным. Но стоит нам вернуться в свою плоть – и мы снова оказываемся прикованными к одному временному и трем линейным измерениям.

Кстати, в этой связи интересно...

* * *

Однако я основательно заболтался, разговаривая с вами – моими воображаемыми собеседниками. Это от волнения. Да, волнуюсь. Хотя и в меру.

Ведь одно дело – уснув, уйти в Пространство Сна произвольно, подчиняясь его неведомым законам, плыть по воле волн, без руля и без ветрил, куда понесет – а потом, проснувшись (если нам позволили сохранить память об увиденном, что бывает далеко не всегда), с удивлением гадать: почему мне приснилось что-то, совершенно непонятное и вроде бы не имеющее никакого отношения к моему жизненному опыту? И совсем другое – погрузиться в ПС, обладая умением воздействовать на происходящее там, имея четкое и ясное задание, и не плыть по течению, а проложить свой курс в туманном и постоянно меняющемся многообразии пространств и времен, проложить – и стараться следовать курсу, снова и снова возвращаясь на него после неизбежных – из-за множества препятствий – отклонений. Препятствием может стать любой человек, оказавшийся в том же пространстве и том же времени, что и вы или я, но наметивший себе совершенно иные цели, движимый другими замыслами. Но с людьми еще более или менее просто. Они понятны, и действия их предсказуемы. Если бы, кроме людей, там не было никого другого, жизнь казалась бы нам, как говорится, медом. Но другие там есть. И это стало ясно заранее – как только наши теоретики поняли, что там – пусть не в наших микро- и макроконтинуумах, пусть в великом «Где-То» – присутствуют существа, совершенно иные, чем мы. Мы не понимаем их целей, для них скорее всего непостижимы наши. И тем более – те, ради которых я направляюсь в ПС сейчас: уже совершенно не научные, не исторические или футурологические, но чисто, так сказать, полицейские и тем более – политические, которые и для нас самих-то далеко не всегда понятны и объяснимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.